

АКСИОМА

Книга третья

ЯРОНГОВ ДЕНИС

Цикл
“Отель
Гильберт”

Денис Яронгов

**Отель Гильберт. Книга
третья: Аксиома**

«Автор»

2026

Яронгов Д. А.

Отель Гильберт. Книга третья: Аксиома / Д. А. Яронгов —
«Автор», 2026

Двенадцать зданий. Двенадцать остановок. Поезд, который ждёт их в конце пути. В каждом здании - подсказка. В каждой подсказке - ключ к следующей. Кто-то оставил этот путь для них. Кто-то, кто называет себя Архитектором. Кто-то, кто верит, что реальность - это уравнение, а люди - переменные. Томас Грейвз, Маргарет и Мартин Айзен идут по следу, который ведёт их через заснеженный Лондон - от особняка в Кенсингтоне до подземных рек, от нулевого меридиана до Башни Виктории. А затем - на поезд «Аксиома». Семь вагонов. Десять пассажиров. И один убийца среди них. В поезде начинается игра. Каждый ход - смерть. Каждая фигура - человек. Кто-то создал эту игру. Кто-то ждёт финала. Кто-то хочет доказать, что люди не способны выбирать. Но Айзен думает иначе. Он даёт им свободу. Он позволяет им сделать свой выбор. И они делают его. Третья, финальная книга цикла «Отель Гильберт» - о свободе, о выборе и о том, что истина не всегда там, где мы её ищем.

© Яронгов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АКСИОМА	5
Глава 1. Воскресенье	6
Глава 2. Будни	10
Глава 3. Тени прошлого	17
Глава 4. Первая остановка	30
Глава 5. Там, где слова становятся числами	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Отель Гильберт. Книга третья: Аксиома

АКСИОМА

Книга третья цикла «Отель Гильберт»

«Единственная аксиома - это свобода. Ты можешь отрицать её. Можешь бояться её. Можешь прятаться от неё за логикой, за порядком, за чужими правилами. Но она всегда будет там. И однажды ты должен будешь сделать выбор. Даже если этот выбор - не выбрать.»

Глава 1. Воскресенье

Лондон, 16 ноября 1931 года

Томас Грейвз проснулся в половине восьмого от запаха кофе.

Это был особенный запах - не тот, что бывает в ресторанах или кафе, где кофе варят для десятков людей, и он становится частью общего шума. Этот запах был домашним, личным. Он поднимался из кухни, просачивался сквозь щель под дверью спальни и мягко, почти деликатно, тянул Тома из сна. Так было каждое утро. Маргарет вставала первой - привычка, оставшаяся с колледжа, где первый семинар начинался в восемь утра, а она никогда не позволяла себе опаздывать, - и к тому моменту, когда Том открывал глаза, кофейник уже кипел, а на столе лежала свежая газета.

«Таймс». Том не читал других газет. Не потому что считал их плохими, а потому что Айзен когда-то сказал: «„Таймс“ - единственная газета, которая ещё не научилась врать. Остальные врут. „Таймс“ - только умалчивает». Том запомнил это и с тех пор каждое утро начинал с чтения «Таймс». Сегодня на первой полосе писали о забастовке шахтёров в Йоркшире. Том пробежал глазами заголовок и отложил газету. Йоркшир напоминал ему о том, о чём он не хотел вспоминать в воскресенье.

Их квартира находилась на втором этаже дома на Гауэр-стрит - тихой улочке, зажатой между Британским музеем и университетским кварталом. Дом был старым, кирпичным, построенным ещё в середине прошлого века, когда архитекторы верили, что здания должны стоять вечно. Высокие потолки, скрипучие половицы, камин в каждой комнате - всё это придавало квартире особый уют, который Том так ценил. Он вырос в просторном доме на Харли-стрит, где всё было вылизано до стерильного блеска, и теперь наслаждался тем, что его собственное жильё было живым: здесь пахло книгами и кофе, здесь половицы пели под ногами, здесь на подоконнике стояли горшки с геранью, которую Маргарет поливала каждую среду.

Квартира была небольшой, но достаточной для двоих. Гостиная с камином, где они проводили вечера, читая вслух или просто молча глядя на огонь. Спальня с широкой кроватью и старым шкафом, доставшимся от родителей Маргарет. Кабинет Тома - крошечная комната, заставленная книгами по криминалистике и папками с делами. И кухня - самое тёплое место в доме, где всегда чем-то пахло: кофе, выпечкой, сушёными травами, которые Маргарет развешивала над плитой.

На стенах висели фотографии. Родители Тома - доктор Чарльз Грейвз с суровым лицом и Хелена Грейвз с мягкой улыбкой. Родители Маргарет - чета Холл из Эдинбурга, чопорные и прямые, как шотландские сосны. И ещё одна фотография - Мартин Айзен на ступенях Скотленд-Ярда, снятый много лет назад Джорджем Бейкером. Айзен на ней стоял, засунув руки в карманы расстёгнутого пальто, и смотрел куда-то в сторону, как будто уже тогда видел что-то, чего не видели другие.

Том встал, накинул халат и прошёл на кухню. Маргарет стояла у плиты спиной к нему. На ней было домашнее платье - синее в белый горошек, - и волосы, ещё не убранные в обычный строгий пучок, свободно падали на плечи. Она помешивала овсянку и что-то тихо напевала - кажется, Шуберта. Том узнал мелодию: Элинора часто играла её на рояле.

- Доброе утро, - сказал он, целуя жену в висок.
- Доброе. - Она улыбнулась, не оборачиваясь. - Овсянка почти готова. Ты вовремя.
- Я всегда вовремя.
- Кроме прошлой среды.
- Я не забыл про обед с твоими родителями, - сказал Том, защищаясь. - Я был занят.

- Слежкой за подозреваемым.
- Он украл серебряные ложки. Ложки - это важно.

Маргарет рассмеялась и легонько толкнула его локтем. Том обнял её, прижавшись щекой к её волосам. От неё пахло лавандой - она всегда использовала лавандовое масло, - и этот запах был для Тома запахом дома. Не квартиры, не улицы, не города. Дома.

Они сели завтракать. Овсянка была горячей, с комочком масла, тающим посередине, и Том ел её медленно, наслаждаясь каждым глотком. Маргарет пила кофе и просматривала конспекты лекций. Она готовилась к новой неделе - понедельник начинался с семинара по топологии для старшекурсниц, и она хотела быть уверена, что ничего не упустила.

Том смотрел на неё поверх газеты и думал о том, как ему повезло. Он встретил её в колледже Бесконечности - в месте, которое было полно тайн, опасностей и смертей. И среди всего этого мрака она оказалась светом. Тихим, незаметным, но постоянным. Она не задавала лишних вопросов, не требовала внимания, не пыталась его изменить. Она просто была рядом. И этого было достаточно.

- О чём ты думаешь? - спросила она, не поднимая глаз от конспектов.
- О тебе.
- Что именно?
- О том, как мне повезло.

Она подняла глаза и улыбнулась.

- Ты говоришь это каждое воскресенье.
- Потому что каждое воскресенье - это правда.

Она протянула руку и коснулась его щеки.

- Ты хороший человек, Томас Грейвз.
- Я стараюсь.

Они закончили завтракать. Том помыл посуду - это была его обязанность, - а Маргарет пошла одеваться. Сегодня было воскресенье, а значит, они ехали к Айзену. Это было традицией - незыблемой, как смена времён года. Каждое воскресенье, ровно в полдень, они появлялись на пороге квартиры на Грейт-Ормонд-стрит с пирогом и новостями. Айзен ждал их - хотя никогда не говорил об этом, - и они знали, что для него эти визиты так же важны, как и для них.

- Пирог купила? - спросил Том, выглядывая из кухни.
- На углу, у того булочника. Яблочный. - Маргарет вышла из спальни, закалывая волосы.
- Он сказал, что это последний. Представляешь? Последний яблочный пирог в Лондоне.
- Значит, нам повезло.
- Или мы прокляты. - Она улыбнулась. - Пирог может быть отравлен.
- Я рискну.

Они оделись - Том в свой лучший воскресный костюм, Маргарет в тёмно-синее платье с белым воротничком, - и вышли на улицу. Снег, выпавший за ночь, лежал на тротуарах белым покрывалом. Кебы двигались медленно, лошади осторожно ступали по скользкой мостовой. В воздухе пахло холодом и дымом.

Том взял Маргарет под руку, и они пошли к станции метро.

Квартира Айзена на Грейт-Ормонд-стрит встретила их запахом вишнёвого табака и старых книг. Этот запах был таким знакомым, что Том мог бы узнать его с закрытыми глазами. Он проникал в одежду, в волосы, в память - и оставался там надолго, как напоминание о том, кто такой Айзен. Человек, который курит трубку с вишнёвым табаком и читает книги, которые никто больше не читает.

- Вы опять не топили камин, - сказала Маргарет, входя в гостиную. Она сняла перчатки и подошла к камину. - Здесь холодно, как в склепе. Вы хотите простудиться?

- Я не простужаюсь, - ответил Айзен, не вставая с кресла. Он сидел, закутавшись в старый плед, с книгой на коленях и трубкой в руке. - У меня иммунитет.

- У вас упрямство, а не иммунитет. - Маргарет взяла кочергу и помешала угли. Пламя вспыхнуло ярче. - Вот так. Через пять минут здесь будет тепло.

- Через пять минут здесь будет жарко, и вы начнёте жаловаться на духоту.

- Тогда вы откроете окно, и мы все простудимся.

- Это традиция, - вставил Том, ставя пирог на стол. - Воскресная простуда.

Айзен хмыкнул. Это был его способ сказать «рад вас видеть».

Они сели за стол. Маргарет разрезала пирог, Том разлил чай. Айзен, как всегда, не пригнулся к еде, но чашку в руках держал - это был его ритуал. Он заваривал чай, наливал в чашку, давал остыть и выливал в раковину. За десять лет Том так и не понял, зачем он это делает. Может быть, это было напоминание о ком-то. Может быть - просто привычка, от которой невозможно отказаться.

Разговор тек неспешно. Маргарет рассказывала о своих студентках. В колледже Святой Екатерины, где она преподавала, был новый набор - девушки, которые хотели изучать математику, но боялись, что это «неженское» занятие. Маргарет боролась с этим страхом каждый день.

- Одна из них, мисс Эдит Паркер, написала блестящее эссе о топологии поверхности, - говорила она, помешивая чай. - Ей всего девятнадцать, а она уже понимает то, что я поняла только к двадцати пяти. Я думаю рекомендовать её для публикации в Mathematical Review.

- Она справится? - спросил Айзен.

- Справится. Если перестанет извиняться за каждую фразу. Она пишет «возможно, я ошибаюсь» перед каждым утверждением. Я сказала ей: «Мисс Паркер, математика - это не место для извинений. Здесь либо вы правы, либо нет. Если вы правы - докажите. Если нет - признайте и идите дальше».

- Хороший совет, - заметил Том.

- Это ваш совет, - сказала Маргарет Айзену. - Вы сказали мне то же самое в колледже. Помните?

- Не помню.

- Помните. Я пришла к вам после лекции и спросила, как перестать сомневаться. А вы сказали: «Сомневайтесь. Но не извиняйтесь за это».

Айзен затянулся трубкой.

- Может быть, и сказал. Не помню.

Том улыбнулся. Он знал, что Айзен помнит. Просто не хочет признавать. Учитель вообще не любил признавать, что он кому-то помог. Как будто доброта была слабостью, которую нужно скрывать.

Том рассказал о своих делах. За последний месяц у него было три новых клиента. Один - владелец антикварной лавки, у которого пропала редкая монета. Второй - пожилая леди, которая подозревала, что её племянник подделывает её подпись на чеках. Третий - бухгалтер фирмы «Пирсон и сыновья», у которого украли контракты.

- С монетой всё просто, - говорил Том. - Я проверил записи и выяснил, что владелец сам её продал, а потом забыл. Монета уже у нового владельца в Эдинбурге.

- А леди?

- Племянник действительно подделывал подпись. Я сравнил чеки с её письмами - наклон не совпадает. Он арестован.

- Хорошо. А бухгалтер?

- С бухгалтером сложнее. Контракты действительно пропали. Но он сам их украл и продал конкуренту. Я жду подтверждения из банка.

Айзен кивнул.

- Ты хорошо работаешь.

- Учусь у лучших.

- Не льсти. Это раздражает.

- Знаю. Поэтому я это и делаю.

Они проговорили до вечера. Когда начало темнеть, Маргарет зажгла лампы. В их свете комната стала ещё уютнее. Тени плясали на стенах. Снег за окном всё падал и падал.

- Оставайтесь ещё ненадолго, - сказал Айзен.

Это была не просьба. Это был приказ.

- Хорошо, - сказала Маргарет. - Но только если вы съедите кусок пирога.

- Вы невыносимы.

- Знаю.

И Айзен съел кусок. Маленький, с краю, но съел.

Том смотрел на него и думал о том, как странно устроена жизнь. Десять лет назад он был мальчишкой, который мечтал о приключениях и носил разные носки. Теперь он был мужчиной, у которого была жена, работа, дом. И учитель, который заменил ему отца. Всё было хорошо. Всё было правильно.

Он не знал, что через несколько дней всё изменится.

Они ушли около восьми. Снег на улице стал глубже, и идти было трудно. Фонари горели тускло, их свет отражался в снегу, и улица казалась залитой серебром. Том взял Маргарет под руку, и они медленно пошли к станции метро.

- Он сегодня был другим, - сказала Маргарет.

- Другим?

- Более мягким. Ты заметил?

Том заметил. Айзен действительно был мягче, чем обычно. Он съел пирог. Он попросил их остаться. Он даже улыбнулся - один раз, когда Маргарет рассказывала о мисс Паркер.

- Может быть, он просто устал, - сказал Том. - Устал быть жёстким.

- Может быть. - Маргарет прижалась к нему. - Я рада, что мы у него были. Ему нужны мы.

- Нам нужен он.

Они спустились в метро. Поезд пришёл через несколько минут - грохочущий, тёплый, полный воскресных пассажиров. Том и Маргарет сели у окна и всю дорогу молчали, держась за руки.

Когда они вернулись домой, Том разжёг камин, а Маргарет заварила чай. Они сели в гостиной, глядя на огонь.

- Знаешь, о чём я думаю? - спросила Маргарет.

- О чём?

- О том, что нам нужно больше таких дней. Тихих. Спокойных. Без погонь и расследований.

- Это и есть наша жизнь, - сказал Том. - Тихая и спокойная.

- Да. - Она улыбнулась. - И мне это нравится.

Глава 2. Будни

Снег, выпавший в воскресенье, растаял за ночь - в Лондоне так бывало часто: зима то наступала, то отступала, словно не могла решить, стоит ли ей оставаться. Улицы снова стали серыми, мокрыми, и прохожие кутались в плащи, проклиная погоду. Том вышел из дома в восемь. Он всегда выходил в восемь - это была привычка, которую он приобрёл ещё в колледже и от которой не мог отказаться. Пунктуальность была его второй натурой. Айзен говорил: «Если ты не можешь прийти вовремя, ты не можешь поймать преступника». Том не был уверен, что это правда, но всё равно старался.

Маргарет уже уехала - у неё была ранняя лекция, и она выходила в половине восьмого, оставляя на плите горячий кофе и записку на столе. Сегодня записка гласила: «Буду поздно. Собрание кафедры. Не забудь поесть. Целую». Том улыбнулся и сунул записку в карман. Он хранил все её записки - в ящике стола уже скопилась целая стопка, перевязанная бечёвкой. Когда-нибудь, думал он, их дочь или сын найдут эти записки и узнают, какой была их мать. Заботливой. Любящей. Иногда - строгой.

Он спустился по лестнице, кивнул миссис Хиггинс, которая подметала вестибюль, и вышел на улицу. Дождь моросил, и Том поднял воротник пальто. Он шёл по Гауэр-стрит, мимо знакомых домов, мимо булочной, где уже выстроилась очередь за свежим хлебом, мимо газетного киоска, где старый мистер Патель раскладывал утренние выпуски. «Доброе утро, мистер Грейвз!» - крикнул Патель. «Доброе!» - отозвался Том.

Он свернул на Чаринг-Кросс, где находился его кабинет. Это была небольшая комната на втором этаже старого здания, которое он делил с адвокатской конторой «Моррисон и сыновья». На первом этаже располагалась аптека, и по утрам там всегда пахло микстурами и сушёными травами. Том привык к этому запаху. Он даже начал его любить.

На двери его кабинета висела табличка: «Т. Грейвз, частный детектив». Буквы были медными, начищенными до блеска. Том помнил, как заказывал эту табличку - она стоила ему двух фунтов, и он волновался, что буквы получатся кривыми. Но мастер, старый еврей с Чаринг-Кросс, сделал всё на совесть. Теперь, проходя мимо двери каждое утро, Том испытывал гордость. Это был его кабинет. Его дело. Его жизнь.

В кабинете было холодно. Экономка, миссис Паттерсон, ещё не затопила камин - она приходила к девяти. Том снял пальто, повесил на вешалку и сел за стол. На столе лежала стопка бумаг: счета, запросы, письма от клиентов. Он начал разбирать их, сортируя на три кучки: «срочно», «подождёт», «отказать». Это был метод Айзена - старый инспектор научил его, что порядок на столе означает порядок в голове. «Если ты не можешь разобраться в своих бумагах, как ты разберёшься в преступлении?» - говорил он. Том запомнил это на всю жизнь.

Первым делом он проверил банковский запрос по делу бухгалтера фирмы «Пирсон и сыновья». Это было несложное дело: главный бухгалтер, человек по фамилии Кроуфорд, утверждал, что контракты были украдены конкурентом. Том подозревал, что Кроуфорд сам продал их и пытается замести следы. Он отправил запрос в банк и теперь, вскрыв конверт, пробежал глазами по строчкам. Так и есть - на счёт Кроуфорда поступила крупная сумма за день до того, как контракты исчезли. Сумма совпадала с той, которую предлагал конкурент. Улика была косвенной, но в сочетании с остальными - достаточной для ареста.

Том снял трубку телефона и попросил оператора соединить его со Скотленд-Ярдом.

- Инспектор Бейкер, - сказал он, когда на другом конце провода раздался знакомый голос.

- Грейвз! - В голосе Бейкера слышалась улыбка. - Как дела? Как Маргарет?

- Всё хорошо. У меня есть информация по делу Кроуфорда. Он получил деньги от конкурента за день до кражи. Банк подтвердил.

- Отлично. Этого достаточно. Я вышлю людей.
- Спасибо, инспектор.
- Не за что. - Бейкер помолчал. - Как там Мартин?

Вопрос был задан буднично, но Том знал: Бейкер спрашивает не из вежливости. Они с Айзенем дружили много лет, и после смерти Элинора Бейкер взял на себя негласную обязанность присматривать за старым инспектором. Он заходил раз в неделю, приносил табак, рассказывал новости. Айзен ворчал, но не прогонял.

- В порядке, - ответил Том. - В воскресенье были у него. Он съел кусок пирога.
- Пирога? - Бейкер рассмеялся. - Айзен съел пирог? Не может быть.
- Маргарет заставила.

- Ну, если Маргарет заставила, тогда верю. Эта женщина может заставить кого угодно сделать что угодно.

Том улыбнулся. Бейкер был прав. Маргарет обладала особым даром убеждения - мягким, но неотвратимым, как гравитация. Она не давила, не требовала, не угрожала. Она просто смотрела на тебя своими спокойными карими глазами, и ты понимал: сопротивление бесполезно.

- Передай ему привет, - сказал Бейкер. - И скажи, что я зайду на неделе.
- Передам.

Том положил трубку и сделал пометку в календаре. Дело Кроуфорда было практически закрыто. Оставалось только написать отчёт для суда.

Он взялся за отчёт, но работа не шла. Мысли разбегались. Он думал об Айзене, о Бейкере, о Маргарет. О том, как странно устроена жизнь. Десять лет назад он был мальчишкой, который мечтал о приключениях. Теперь он был мужчиной, у которого была жена, работа, дом. Всё было хорошо. Всё было правильно.

И всё же иногда - всё реже, но иногда - он ловил себя на мысли, что чего-то не хватает. Какой-то искры. Какого-то ощущения, что ты на краю, что следующий шаг может изменить всё. Он не говорил об этом Маргарет. Ему было стыдно. В конце концов, о чём можно мечтать, когда у тебя есть всё?

Он отложил ручку и посмотрел в окно. Дождь кончился. Сквозь тучи пробивалось бледное ноябрьское солнце. На улице, у витрины аптеки, стояла женщина с детской коляской и разговаривала с аптекарем. Мир жил своей обычной жизнью. Тихой, размеренной, спокойной.

Может быть, это и есть счастье, подумал Том. Просто жить. Просто быть.

Маргарет Грейвз стояла у доски в аудитории номер четыре колледжа Святой Екатерины и рисовала мелом ленту Мёбиуса. Это была её любимая тема - топология поверхностей, - и она рассказывала о ней с таким воодушевлением, что даже самые скучающие студентки просыпались. Сегодня она объясняла, почему лента Мёбиуса имеет только одну сторону.

- Представьте, что вы муравей, - говорила она, проводя мелом линию вдоль ленты. - Вы идёте по этой поверхности, идёте, идёте - и возвращаетесь в ту же точку, но с другой стороны. Вы не пересекали край. Вы не перепрыгивали. Вы просто шли вперёд. Как это возможно? Потому что у ленты Мёбиуса нет «другой стороны». У неё есть только одна сторона. Верх и низ - это иллюзия.

Студентки перешёптывались. Одна из них, мисс Эдит Паркер - та самая, о которой Маргарет рассказывала Айзену, - подняла руку.

- Да, мисс Паркер?

- Значит ли это, что наше восприятие реальности - тоже иллюзия? Что мы думаем, будто видим мир правильно, а на самом деле он устроен иначе?

Маргарет улыбнулась. Эдит Паркер была её лучшей студенткой - любознательной, дерзкой, не боящейся задавать вопросы, на которые нет ответов.

- Именно это я и хотела сказать, - ответила Маргарет. - Математика учит нас, что реальность не такова, какой кажется. Что за привычными вещами скрываются парадоксы. Что истина

- это не точка, а путь. - Она помолчала. - Это сказал не я. Это сказал один мой старый друг. Он был детективом.

- Детективом? - удивилась мисс Паркер. - А какое отношение детектив имеет к математике?

- Самое прямое. Он говорил, что преступление - это уравнение. И его нужно решить.

Студентки засмеялись. Маргарет не стала их разубеждать. Она знала: они ещё слишком молоды, чтобы понять. Но когда-нибудь - может быть, через десять лет, может быть, через двадцать - они вспомнят эти слова. И тогда они поймут.

После лекции Маргарет собрала бумаги и направилась в преподавательскую. Это была небольшая комната с камином и креслами, где профессора отдыхали между занятиями. Там уже сидел профессор Хардинг - пожилой математик с седыми бакенбардами и вечно недовольным выражением лица. Он читал газету и неодобрительно хмыкал.

- Опять вы мучаете студенток топологией, миссис Грейвз? - спросил он, не поднимая глаз.

- Я не мучаю, профессор. Я просвещаю.

- Просвещаете. - Он хмыкнул. - В моё время женщин не учили математике. Считалось, что это неженское занятие.

- В ваше время, профессор, женщины не имели права голоса. К счастью, времена меняются.

Хардинг ничего не ответил. Он сложил газету и вышел из комнаты. Маргарет проводила его взглядом. Она не обижалась на Хардинга. Он был старым человеком, выросшим в другом мире, и она понимала, что он никогда не изменится. Но она также знала, что её студентки - другое поколение. Они будут менять мир. И она им в этом поможет.

Она села в кресло у камина и закрыла глаза. День был долгим. Лекция, семинар, собрание кафедры, разговор с деканом. Она устала, но это была приятная усталость - усталость от хорошо сделанной работы. Она думала о Томе. О том, как он сейчас сидит в своём кабинете на Чаринг-Кросс, разбирает бумаги и пьёт остывший кофе. О том, как вечером они встретятся дома, и она расскажет ему о мисс Паркер, а он расскажет ей о деле бухгалтера. И они будут сидеть у камина, держась за руки, и это будет самый счастливый момент дня.

В среду Том проснулся позже обычного. Маргарет уже уехала - по средам у неё был свободный день от лекций, но она всё равно отправлялась в колледж, чтобы работать в библиотеке, - и в квартире было тихо. Только часы на каминной полке отсчитывали секунды да где-то вдалеке, на улице, мальчишка-газетчик выкрикивал заголовки. Том полежал ещё несколько минут, глядя в потолок и думая о том, что ему снилось. Ему снился Йоркшир. Отель «Гильберт». Заснеженные пустоши и одинокий особняк, стоящий посреди белого безмолвия. Он не видел этот сон уже несколько лет. И вот - снова.

Он встал, умылся, оделся. Сегодня у него не было срочных дел, и он решил навестить Айзена. Не в воскресенье - в воскресенье они приходили вдвоём с Маргарет, это была традиция, - а просто так, в будний день. Ему хотелось поговорить с учителем наедине. О жизни. О работе. О том, что его тревожило.

Он вышел из дома около десяти. Дождь, ливший в понедельник и вторник, прекратился, и улицы были залиты бледным ноябрьским солнцем. Мокрые тротуары блестели. Голуби, нахлебавшись, сидели на карнизах. Том шёл пешком - от Гауэр-стрит до Грейт-Ормонд-стрит было недалеко, минут пятнадцать ходьбы, - и думал о том, что в последнее время Айзен стал каким-то другим. Не то чтобы он изменился внешне - всё тот же расстёгнутый пиджак, та же трубка, тот же пристальный взгляд. Но внутри. Как будто он что-то знал. Что-то, о чём не говорил.

Квартира на Грейт-Ормонд-стрит встретила его всё тем же запахом - вишнёвый табак, старые книги, немного пыли. Миссис Гримшоу открыла дверь и, узнав Тома, расплылась в улыбке.

- Мистер Грейвз! Какая неожиданность! А я как раз собиралась подниматься к мистеру Айзену с чаем. Вы ведь составите ему компанию?

- С удовольствием, миссис Гримшоу.

Он поднялся по лестнице и постучал. Дверь открылась не сразу. Айзен, как всегда, не спрашивал «кто там?» - он просто открывал и смотрел, готовый ко всему.

- Том. - В его голосе не было удивления. - Ты не предупредил.

- Решил сделать сюрприз.

- Я не люблю сюрпризы.

- Знаю. Поэтому я их и делаю.

Айзен хмыкнул и отступил в сторону. Том вошёл. В гостиной было тепло - камин горел, и пламя отбрасывало на стены пляшущие тени. На столе, рядом с креслом, лежала раскрытая книга - «Моби Дик» Мелвилла. Том удивился: он не знал, что Айзен читает художественную литературу.

- Мелвилл? - спросил он, кивая на книгу.

- Перечитываю. В третий раз.

- Не знал, что вы любите романы.

- Я не люблю романы. Но Мелвилл - это не роман. Это руководство по охоте.

- По охоте на китов?

- По охоте на истину. - Айзен сел в кресло и закурил трубку. - Кит - это метафора. Ахав гонится за ним, хотя знает, что не победит. Но он не может остановиться. Потому что остановиться - значит признать поражение.

- И в чём же истина?

- Истина в том, что погоня важнее добычи. Процесс важнее результата. - Он затаился.

- Я понял это не сразу. Слишком поздно.

Том сел в кресло напротив. Миссис Гримшоу принесла чай и удалилась, тихо прикрыв за собой дверь. Они остались вдвоём. Том смотрел на учителя и думал о том, как много тот знает. Не о преступлениях - о жизни. О том, что действительно важно.

- Как дела? - спросил Айзен.

- Хорошо. Закрыв дело бухгалтера. Бейкер арестует его сегодня.

- Я слышал. Бейкер звонил. Он сказал, что ты хорошо поработал.

- Он звонил?

- Он всегда звонит. По средам. Это его ритуал.

Том улыбнулся. Бейкер действительно был верным другом. Он не забывал о старом инспекторе, даже когда тот сам, казалось, забывал о себе.

- У меня есть новое дело, - сказал Том. - Странное.

- Рассказывай.

Том рассказал о мистере Хейвуде и его исчезающих книгах. О том, как книги пропадают с полок, а потом возвращаются. О том, что лавка заперта, и никто не может войти незамеченным. Айзен слушал, не перебивая, и дым от его трубки поднимался к потолку, закручиваясь в медленные спирали.

- Ты проверил соседей? - спросил он, когда Том закончил.

- Проверил. Никто ничего не видел.

- Ты проверил самого Хейвуда?

- В каком смысле?

- Может быть, он делает это сам. Лунатизм. Или забывчивость. В его возрасте это возможно.

- Я думал об этом. Но он ведёт записи. Очень подробные. Лунатик не смог бы так аккуратно записывать.

Айзен задумался.

- Тогда остаётся одно объяснение: кто-то имеет доступ в лавку. Ключ. Проверь, кто делал дубликаты. Возможно, у кого-то из бывших сотрудников остался ключ.

- Я проверю.

- И ещё. Обрати внимание на то, какие именно книги исчезают. Может быть, это не случайный выбор. Может быть, кто-то ищет что-то конкретное.

Том записал это в блокнот. Айзен всегда видел то, чего не видели другие. Это было его даром. И его проклятием.

Они проговорили до полудня. Том рассказал о Маргарет, о её студентках, о профессоре Хардинге, который считает, что женщинам не место в математике. Айзен, услышав это, помрачнел.

- Хардинг - дурак, - сказал он. - Я помню его. Он был профессором в Оксфорде, когда я расследовал дело Уинтерботтом. Он отказался давать показания. Сказал, что у него нет времени.

- Ты думаешь, он что-то знал?

- Нет. Он просто трус. А трусы всегда отказываются.

- Маргарет с ним спорит.

- И правильно делает. - Айзен затыкнулся. - Она сильная. Сильнее, чем я думал.

- Она говорит, что вы её научили.

- Я? - Он покачал головой. - Я ничему её не учил. Она сама научилась. У жизни.

Том ушёл около часа. Айзен проводил его до двери и на прощание сказал:

- Заходи ещё. Не только по воскресеньям.

- Обязательно.

Том спустился по лестнице и вышел на улицу. Солнце всё ещё светило, но в воздухе похолодало. Он поднял воротник пальто и пошёл к станции метро, думая о том, что сказал Айзен. «Процесс важнее результата». Может быть, это и есть ответ на вопрос, который он задавал себе в последнее время. Может быть, не нужно ждать чего-то великого. Может быть, великое - это и есть обычная жизнь. Работа. Жена. Дом. Воскресные обеды. Разговоры с учителем.

Может быть, это и есть счастье.

Маргарет в тот день обедала с подругой. Вирджиния Уэллсли - в девичестве Вирджиния Холл, она взяла фамилию мужа, Артура, - была её ближайшей подругой ещё с колледжа. Они вместе изучали топологию, вместе пережили расследование, вместе окончили колледж Бесконечности. Теперь Вирджиния работала в Британском музее, в отделе рукописей, и они встречались раз в месяц, чтобы поговорить о жизни.

Они сидели в небольшом кафе на Бейсуотер-роуд - уютном местечке с клетчатыми скатертями и запахом свежей выпечки. Вирджиния, как всегда, была одета с иголки - тёмно-зелёное платье, жемчужное ожерелье, - и выглядела так, будто только что сошла со страниц модного журнала. Маргарет, в своём простом синем платье, чувствовала себя рядом с ней немного неловко, но Вирджиния никогда не обращала внимания на такие вещи.

- Ты выглядишь уставшей, - сказала Вирджиния, помешивая чай. - Опять работаешь допоздна?

- Работаю. Студентки, лекции, собрания. Ты же знаешь.

- Знаю. - Вирджиния улыбнулась. - Помнишь, как мы сами были студентками? Как боялись профессора Лэнга? Как прятались в библиотеке после отбоя?

- Помню. - Маргарет улыбнулась в ответ. - И как ты однажды заснула между стеллажами, и тебя искали до утра.

- Меня нашли только потому, что я храпела.

- Ты не храпела. Ты... издавала звуки.

- Звуки? - Вирджиния рассмеялась. - Какие ещё звуки?

- Ну, как будто маленький котёнок мурлычет.

- Котёнок! - Вирджиния шутливо толкнула её. - Ты просто не хочешь признавать, что я храплю.

Они рассмеялись. На них обернулись посетители, но им было всё равно. В такие моменты они снова чувствовали себя девятнадцатилетними - беззаботными, полными надежд. Тогда мир казался огромным и загадочным. Теперь он стал меньше. Но не хуже.

- Как Артур? - спросила Маргарет, отсмеявшись.

- Пишет книгу. - Вирджиния вздохнула. - Как всегда. Он говорит, что это будет *magnum opus*. Труд всей его жизни.

- О чём она?

- О шифрах. О криптографии. О том, как математика может скрыть истину. - Она помолчала. - Он никогда не говорит об этом прямо, но я знаю: он всё ещё думает о том, что случилось в колледже. Об Обществе. О Генри Уинтропе. Он ищет ответы.

- Мы все ищем, - тихо сказала Маргарет.

- Да. - Вирджиния посмотрела на неё. - Но вы с Томом, кажется, нашли. У вас есть вы. У вас есть жизнь.

- У тебя тоже.

- У меня - работа. И Артур, когда он не погружён в свои шифры. - Она улыбнулась, но в улыбке была грусть. - Я не жалуюсь. Просто иногда мне кажется, что мы все оставили часть себя там. В колледже. В том подземном зале. И эта часть никогда не вернётся.

Маргарет взяла её за руку.

- Может быть, и не должна. Может быть, мы стали другими. Лучше.

- Ты так думаешь?

- Я знаю. - Маргарет сжала её пальцы. - Мы пережили то, что не каждый переживёт. Мы видели смерть. Мы видели предательство. Но мы выжили. И мы продолжаем жить. Это и есть победа.

Вирджиния кивнула. В её глазах блеснули слёзы.

- Ты всегда была сильнее меня, Маргарет.

- Нет. - Маргарет покачала головой. - Просто я научилась не сдаваться.

Они допили чай и вышли на улицу. День клонился к вечеру. Фонари уже начинали загораться. Они обнялись на прощание и разошлись в разные стороны - Вирджиния к музею, Маргарет домой.

По дороге Маргарет думала о том, что сказала подруга. «Мы все оставили часть себя там». Это было правдой. Даже сейчас, спустя годы, она иногда просыпалась ночью и видела перед глазами подземный зал. Шахматную доску. Профессора Уинтерботтом, стоящую у стола. И слова Айзена: «Игра окончена».

Она тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Прошлое осталось в прошлом. Сейчас у неё была другая жизнь. И она была хорошей.

Дома её ждал Том. Он уже разжёг камин и заварил чай. Они сели в гостиной, как всегда по вечерам, и он рассказал о разговоре с Айзенем. О Мелвилле. О ките. Об истине.

- Он сказал, что процесс важнее результата, - повторил Том.

- Это похоже на него. - Маргарет улыбнулась. - Он всегда говорил, что истина - это не точка, а путь.

- Ты помнишь?

- Я помню всё, что он говорил. Я записывала.

- Ты записывала?

- Конечно. У меня есть целая тетрадь. «Мудрость инспектора Айзена». Хочешь почитать? Том рассмеялся.

- Ты серьёзно?

- Абсолютно. - Она встала и достала с книжной полки тонкую тетрадь в зелёном переплёте. - Вот. Смотри. «Если ты не можешь разобраться в своих бумагах, как ты разберёшься в преступлении?» «Сомневайтесь, но не извиняйтесь за это». «Ложь - это уравнение, в котором одна переменная лишняя. Найдите её - и уравнение решится».

Том листал тетрадь и качал головой.

- Невероятно. Ты записала всё.

- Я же математик. Мы записываем.

Он обнял её.

- Ты удивительная, Маргарет Грейвз.

- Я знаю. - Она прижалась к нему. - Ты мне говоришь это каждый день.

- Потому что каждый день - это правда.

Они сидели у камина, обнявшись, и молчали. За окном падал снег. В камине потрескивали дрова. Часы на полке отсчитывали секунды. Тик-так. Тик-так.

Глава 3. Тени прошлого

В четверг Том проснулся с ощущением, что сегодня что-то произойдёт.

Это было странное чувство - не тревога, не предчувствие беды, а скорее предвкушение. Как будто воздух стал плотнее, а звуки - отчётливее. Он лежал в постели, глядя в потолок, на котором дрожали утренние тени, и пытался понять, откуда взялось это ощущение. Может быть, из-за сна? Ему опять снился Йоркшир. Заснеженные пустоши, уходящие к горизонту, как бесконечное белое море. Одиноким особняк, стоящий посреди этого моря, - серый камень, чёрные окна, сова над входом. И шахматная фигура - чёрный конь, - лежащая на снегу у порога. Он не видел этот сон уже несколько лет. С тех пор, как они с Айзенем покинули отель «Гильберт» и думали, что всё кончено.

Маргарет уже уехала. По четвергам у неё были ранние лекции - она читала топологию первокурсникам в восемь утра, и Том всегда удивлялся, как она находит силы вставать в такую рань. На столе, как обычно, стоял кофейник, завернутый в полотенце, чтобы не остыл, и лежала записка. Сегодня записка была длиннее обычного - Маргарет, видимо, проснулась в хорошем настроении.

«Доброе утро, соня. Кофе на плите. Я уехала - сегодня трудный день, лекция, семинар, потом собрание кафедры (профессор Хардинг опять будет ворчать, что женщинам не место в математике, я опять буду с ним спорить). Вернусь к семи. Не забудь поесть - я серьёзно, Томас Грейвз, в прошлый четверг ты забыл пообедать и к вечеру был похож на голодного воробья. Я оставила сэндвич в холодильнике. Целую. P.S. Ты храпел. Совсем чуть-чуть. Это было мило».

Том улыбнулся и сунул записку в карман халата. Он не храпел. Маргарет просто любила его дразнить - это была одна из тех маленьких игр, в которые они играли с первых дней брака. Он хранил все её записки. В ящике письменного стола уже скопилась целая стопка, перевязанная бечёвкой, - и он иногда перечитывал их, когда ему было грустно или одиноко. Они пахли лавандой - духами Маргарет - и напоминали ему, что он самый счастливый человек на свете.

Он позавтракал - кофе, тост с маслом, яблоко, - оделся и вышел на улицу. День был серым и холодным. Ноябрь в Лондоне был месяцем туманов и дождей, и сегодняшним днем не был исключением. Мелкая морось висела в воздухе, оседая на плечах прохожих и на крышах автомобилей. Том поднял воротник пальто и зашагал по Гауэр-стрит, обходя лужи. Он думал о деле Хейвуда. Об исчезающих книгах. О хромом человеке в золотых очках.

Лавка мистера Хейвуда находилась на Чаринг-Кросс, в ряду старых георгианских зданий, зажатых между булочной миссис О'Брайен и аптекой мистера Пателя. Это было одно из тех мест, которые, казалось, существовали вне времени. Вывеска над входом - «Книги Хейвуда. Основано в 1872 году» - выцвела от солнца и дождей, но буквы всё ещё были различимы. Витрина, за которой виднелись книжные полки, никогда не мылась - Хейвуд говорил, что пыль защищает книги от солнца, - и сквозь мутное стекло было трудно что-либо разглядеть. Но сегодня, подойдя ближе, Том заметил кое-что странное.

На подоконнике, прямо за стеклом, лежала книга.

«Джейн Эйр». Та самая, что исчезла неделю назад.

Он толкнул дверь. Колокольчик над входом звякнул - старый, медный, с треснутым язычком, он издавал звук, похожий на чириканье больного воробья. Внутри пахло старой бумагой, кожей переплётов и чем-то ещё - может быть, воском, которым Хейвуд натирал полы, а может быть, самим временем. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь пыльное окно, падал на прилавки косыми полосами, и в этих полосах танцевали пылинки - медленно, торжественно, как в церкви.

Мистер Хейвуд сидел за прилавком и, как всегда, протирает очки замшевой тряпочкой. Это был его ритуал - он протирает очки каждые полчаса, независимо от того, нуждались они в этом или нет. Том подозревал, что это помогало ему думать. Или успокаивало нервы.

- Мистер Грейвз! - Хейвуд просиял, увидев его. Он отложил тряпочку и вскочил со стула с проворством, неожиданным для человека его возраста. - Вы вернулись! У вас есть новости?

- Пока нет. - Том кивнул на витрину. - Но я вижу, «Джейн Эйр» вернулась.

- Да! Сегодня утром! Я открыл лавку - а она лежит на подоконнике! Как будто её и не забирали! - Хейвуд всплеснул руками. - Я проверил всё перед уходом вчера. Все книги были на местах. Я точно помню - я записывал.

- Можно мне взглянуть?

- Конечно, конечно!

Том подошёл к витрине и взял книгу в руки. Это был старый том в тёмно-красном переплёте с золотым тиснением. Первое издание - такие книги стоили дорого, и Том удивился, что Хейвуд держит их на витрине, а не в сейфе. На титульном листе была дарственная надпись, сделанная выцветшими чернилами: «Моей дорогой Элизабет. Читай и помни. 1847». Почерк был изящным, женским - вероятно, книгу подарила мать дочери или сестра сестре. Книга была в идеальном состоянии, если не считать лёгкой потёртости на корешке.

- Кто-то берёт её, - сказал Том. - Тот, кто взял, не хотел повредить. Он читал её - или, по крайней мере, листал, - но очень аккуратно.

- Вы думаете, это важно?

- Я думаю, это ключ. - Том положил книгу на прилавок и достал блокнот. - Давайте ещё раз пройдемся по списку. Какие книги исчезали за последний месяц?

Хейвуд полез в ящик прилавка и достал ту самую потрёпанную тетрадь. Он начал зачитывать названия, водя пальцем по строкам:

- Десятого октября - «Дэвид Копперфильд». Первое издание, в синем переплёте. Исчез на три дня, вернулся. Пятнадцатого октября - «Гордость и предубеждение». Тоже первое издание. Исчез на два дня. Двадцатого октября - «Моби Дик». Первое американское издание, очень редкое. Исчез на четыре дня. Затем - «Джейн Эйр». И вот ещё - «Большие надежды». Исчезла позавчера, ещё не вернулась.

Том записывал, пытаясь найти закономерность. Все книги были классикой. Все - в дорогих переплётах, первыми изданиями. Все - примерно из одной эпохи, середины девятнадцатого века. И все они возвращались - кроме «Больших надежд».

- Кто-то собирает коллекцию? - предположил он. - Но зачем возвращать?

- Может быть, это библиофил, который не может позволить себе купить такие книги? - предположил Хейвуд. - Он берёт их почитать, а потом возвращает. Как в библиотеке.

- Но зачем тогда первое издание «Моби Дика»? Его можно прочитать в любом дешёвом издании. Зачем рисковать, крадя редкую книгу?

Хейвуд пожал плечами. Он не знал.

Том задумался. И вдруг его осенило. Он вспомнил, что говорил Айзен о преступниках: «Они всегда действуют по шаблону. Найди шаблон - найдёшь преступника». Шаблон был. Все книги были первыми изданиями. Все - из девятнадцатого века. И все они исчезали, а потом возвращались.

- Он ищет что-то, - сказал Том. - Не книги. Что-то внутри книг. Записку. Письмо. Пометку на полях. Он берёт книгу, изучает её, не находит того, что ищет, и возвращает. Поэтому «Большие надежды» ещё не вернулась - он всё ещё изучает её. Или... - Том осёкся. - Или он нашёл то, что искал.

- Что же? - прошептал Хейвуд.

- Не знаю. - Том закрыл блокнот. - Но я узнаю. Мне нужно попасть в вашу лавку ночью.

- Ночью?

- Да. Я хочу увидеть того, кто приходит. И поговорить с ним.

Хейвуд заколебался. Он перевёл взгляд с Тома на книгу, потом на дверь, потом снова на Тома.

- Это может быть опасно, - сказал он наконец.

- Я знаю. - Том улыбнулся. - Но я учился у лучших.

Ночь опустилась на Лондон, как тяжёлое бархатное покрывало. Том сидел в тёмной лавке, за старым креслом у дальней стены, и ждал. Он пришёл сюда в десять вечера, когда Хейвуд уже закрыл лавку и ушёл домой, оставив ему ключ. С собой у Тома был фонарь - он не зажигал его, чтобы не спугнуть гостя, - и револьвер, который он носил с собой со времён Оксфорда. Он надеялся, что револьвер не понадобится.

Лавка ночью была совсем другой. Днём она казалась уютной, почти домашней. Ночью - жуткой. Лунный свет, пробивавшийся сквозь пыльное окно, падал на полки косыми полосами, и книги, казалось, шевелились в этом свете. Где-то скрипнула половица - и Том вздрогнул, хотя знал, что это просто дерево остывает после дневного тепла. Пахло пылью, старыми чернилами и чем-то ещё - может быть, мышами, которые, наверное, жили в подвале.

Он ждал час. Два. Три. Часы на ближайшей церкви пробили полночь, потом час, потом два. Том начал думать, что сегодня никто не придёт. Может быть, вор почувствовал, что за ним следят? Может быть, он уже нашёл то, что искал, и больше не вернётся?

И вдруг - звук.

Тихий, почти неслышный. Скрип ключа в замке.

Том замер. Кто-то вставлял ключ в замочную скважину. Медленно, осторожно, стараясь не шуметь. Затем - щелчок. Дверь открылась.

В лавку вошёл человек.

Он был высок и худощав. В лунном свете, падавшем из окна, Том разглядел тёмное пальто, надвинутую на глаза шляпу и - да, очки в золотой оправе. Человек хромал. Он опирался на трость - старую, с серебряным набалдашником в форме головы льва. Точь-в-точь такую, какую носил Артур Блэквуд-младший в Йоркшире.

Человек прошёл к дальней полке - той самой, где стояли первые издания. Он провёл пальцем по корешкам, нашёл нужную книгу и вытащил её. Том не видел, что это за книга, но видел, как человек открыл её, перелистал страницы - быстро, умело, - и что-то вытащил из-под обложки. Маленький предмет, похожий на сложенный лист бумаги.

- Доброй ночи, - сказал Том, выходя из тени.

Человек вздрогнул и обернулся. В лунном свете Том увидел его лицо - бледное, с резкими чертами, с глубоко посаженными глазами. Оно было ему знакомо. Очень знакомо.

- Мистер Лэнг? - прошептал он. - Профессор Лэнг?

Человек снял очки и улыбнулся. Это был Джонатан Лэнг. Бывший профессор философии математики колледжа Бесконечности. Тот самый, которого арестовали по подозрению в убийстве Элинора. Тот самый, который провёл несколько недель в тюрьме, а потом уехал в Шотландию, чтобы начать новую жизнь.

- Мистер Грейвз, - сказал он. - Я ждал вас.

- Вы? - Том не верил своим глазам. - Это вы крали книги?

- Не крал. - Лэнг покачал головой. - Заимствовал. Я всегда возвращал их. Кроме этой. - Он показал книгу, которую держал в руках. Это были «Большие надежды» Диккенса. - В этой я нашёл то, что искал.

- Что именно?

Лэнг раскрыл книгу и вытащил из-под обложки сложенный лист бумаги. Он протянул его Тому. Том развернул лист. Это была страница, вырванная из дневника. Почерк был каллиграфическим - тем самым, который он видел в дневнике Генри Уинтропа.

«Поезд. Вагон 7. Полночь. Аксиома. Ключ у архитектора. Найдите архитектора - найдёте истину».

- Что это значит? - спросил Том.

- Не знаю. - Лэнг покачал головой. - Но я ишу ответ на этот вопрос уже много лет. С тех пор, как вышел из тюрьмы. Я знал, что Генри оставил подсказки. Он любил игры. Головоломки. Квесты. Он говорил, что истина - это не то, что можно найти, а то, что нужно заслужить. И я решил, что заслужу её.

- Вы могли бы просто попросить. Прийти к нам. Рассказать.

- Я не мог. - Лэнг опустил голову. - После всего, что случилось, я не мог смотреть вам в глаза. Я был трусом, мистер Грейвз. Я дал показания, которые погубили невинную. Я предал своих коллег. Я не заслуживал вашего доверия.

- Вы были напуганы. Это понятно.

- Понятно - не значит простительно. - Лэнг поднял глаза. - Но теперь я хочу всё исправить. Эта записка - ключ. Она приведёт нас к тому, кто стоит за всем. К Архитектору. К тому, кто знает правду об Обществе.

Том смотрел на записку и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Поезд. Вагон 7. Полночь. Аксиома. Архитектор. Всё это было связано. И он должен был узнать, как.

- Вы пойдёте со мной, - сказал он Лэнгу. - К инспектору Айзену. Вы расскажете ему всё, что знаете. И мы вместе решим, что делать дальше.

- Вы пойдёте со мной, - сказал он Лэнгу. - К инспектору Айзену. Вы расскажете ему всё, что знаете. И мы вместе решим, что делать дальше.

- Я пойду. - Лэнг кивнул. - Я должен был сделать это давно.

Они вышли из лавки в холодную ноябрьскую ночь. Снег, который шёл весь день, наконец прекратился, и улицы были залиты лунным светом. Том шёл рядом с Лэнгом - бывшим профессором, бывшим подозреваемым, бывшим трусом, - и думал о том, как странно устроена жизнь. Тот, кого он считал сломленным, оказался искателем истины. Тот, кто прятался в тени, теперь шёл рядом с ним.

Они шли по ночному Лондону, и город вокруг них был тих и пуст. Снег, выпавший за день, лежал на тротуарах белым покрывалом, и в лунном свете он казался серебряным - не просто белым, а именно серебряным, как будто кто-то рассыпал по улицам звёздную пыль. Фонари горели тускло, их свет дрожал на ветру, и длинные тени плясали на стенах домов, как безмолвные танцоры. Было холодно - такой холод бывает только в ноябре, когда зима ещё не наступила, но осень уже ушла, и мир застыл в ожидании первого настоящего снегопада.

Том шагал рядом с Лэнгом, и каждый их шаг отдавался хрустом снега под ногами - ритмичным, успокаивающим звуком, который в детстве ассоциировался у него с Рождеством, с подарками, с запахом хвои и корицы в родительском доме. Теперь этот звук казался ему тревожным. Как будто сама земля предупреждала: что-то грядёт. Что-то, к чему нужно быть готовым.

Лэнг шёл медленно, опираясь на трость. Его хромота была заметна - он припадал на правую ногу при каждом шаге, - но он не жаловался. Том вспомнил, что в колледже Лэнг не хромал. Значит, это случилось позже - может быть, в тюрьме, где он провёл несколько месяцев, может быть, уже в Шотландии, где он жил отшельником в маленькой деревушке на побережье. Том не спрашивал. Ему казалось, что Лэнг и так рассказал достаточно - может быть, даже больше, чем нужно. Но один вопрос всё же вертелся у него на языке.

- Почему вы не пришли к нам раньше? - спросил он. - К Айзену? Ко мне?

Лэнг долго молчал, глядя под ноги. Снег хрустел под его тростью.

- Я не мог, - сказал он наконец. - После всего, что случилось, я не мог смотреть вам в глаза. Я был трусом, мистер Грейвз. В колледже. В тюрьме. Всегда. Я дал показания, которые помогли осудить Маргарет Уинтерботтом - единственную, кто пыталась защитить нас. Я предал

её. Я предал всех. - Он помолчал. - Знаете, что самое страшное в трусости? Она не проходит. Ты можешь стать храбрым, совершить подвиг, рискнуть жизнью - но в глубине души ты всё равно останешься тем, кем был. Трусом. И ты знаешь это. Каждую минуту. Каждый день.

- По-моему, вы не трус, - сказал Том. - Вы потратили годы, чтобы найти истину. Вы рисковали свободой, воруя книги. Вы пришли к нам.

- Я пришёл, потому что у меня не было выбора. - Лэнг посмотрел на Тома, и в его глазах, увеличенных линзами золотых очков, отражался лунный свет. - Записка... она меняет всё. Генри знал. Он знал, что однажды кто-то найдёт её. Он всё спланировал. И теперь я не могу остановиться. Даже если бы хотел.

Они свернули на Грейт-Ормонд-стрит. Дом номер семнадцать стоял в ряду таких же старых кирпичных зданий, и его окна были темны - только в одном, на втором этаже, горел свет. Том знал это окно. Оно принадлежало гостиной Айзена. И свет в нём горел всегда - даже ночью, даже когда инспектор, казалось бы, должен был спать. Но Айзен не спал. Он никогда не спал по ночам. «Сон - это роскошь, которую детектив не может себе позволить», - сказал он однажды, когда Том застал его в три часа ночи над грудой бумаг. Том тогда не понял. Теперь - понимал. Сон был не роскошью. Сон был бегством. А Айзен не бежал. Никогда.

Они подошли к двери. Том достал ключ - Айзен дал ему дубликат много лет назад, когда Том ещё был студентом. «На случай, если меня не будет дома, - сказал он тогда. - Или если я буду мёртв». Том тогда рассмеялся, думая, что это шутка. Теперь он не был уверен.

- Подождите здесь, - сказал он Лэнгу. - Я поднимусь первым. Предупрежу его.

Он вошёл в дом и начал подниматься по лестнице. Третья ступенька скрипнула - она всегда скрипела, сколько Том себя помнил. Он подумал о том, сколько раз он поднимался по этой лестнице за последние десять лет. Сотни раз. Может быть, тысячи. И каждый раз этот скрип был как приветствие. Как напоминание: ты дома.

Он постучал в дверь квартиры. Айзен открыл почти сразу - как будто стоял за дверью и ждал. Он был в старом халате, с трубкой в руке, и его лицо было спокойным, как всегда. Но Том знал это спокойствие. Оно было обманчивым. Как поверхность озера, под которой скрываются сильные течения.

- У нас гость, - сказал Том. - Старый знакомый.

Айзен поднял бровь.

- Кто?

- Профессор Лэнг.

На мгновение в глазах Айзена мелькнуло что-то - удивление? тревога? - но он быстро справился с собой. Айзен всегда быстро справлялся с собой. Это было его даром. И его проклятием.

- Проводи его, - сказал он. - Я поставлю чайник.

Они сидели в гостиной. Айзен - в своём кресле у камина, старом, с протёртой обивкой, которое помнило ещё Элинора. Том - на диване, закинув ногу на ногу. Лэнг - на стуле у двери, как человек, который не уверен, имеет ли он право здесь находиться. Камин горел, и пламя отбрасывало на стены пляшущие тени. На столе, рядом с креслом Айзена, лежала раскрытая книга - «Моби Дик» Мелвилла, - и Том вспомнил, что учитель говорил об этой книге. «Это не роман. Это руководство по охоте на истину. Ахав гонится за китом, хотя знает, что не победит. Но он не может остановиться. Потому что остановиться - значит признать поражение».

Теперь, глядя на Лэнга, Том думал, что эта метафора подходит и к нему. Лэнг был Ахавом. Он гнался за истиной, которую, возможно, никогда не поймает. Но он не мог остановиться.

Айзен разлил чай - три чашки. Себе он тоже налил - впервые за долгое время. Это было знаком. Том заметил это и понял: разговор будет серьёзным.

- Рассказывайте, - сказал Айзен.

И Лэнг начал рассказывать.

Он говорил долго - гораздо дольше, чем Том ожидал. Он начал с самого начала: с Гёттингена, с первой встречи с Генри Уинтропом, с того, как они вместе учились, вместе мечтали, вместе строили планы. Он говорил о Генри с теплотой, но и с горечью - как говорят о человеке, которого любили и который предал.

- Генри был гением, - говорил Лэнг, глядя в огонь. - Настоящим гением. Он видел то, чего не видели другие. Он мог взглянуть на уравнение и сказать: «Вот здесь ошибка. Вот здесь истина». Мы все восхищались им. Мы все хотели быть похожими на него. Но он... он был холоден. Как лёд. Как уравнение, в котором нет места для чувств. Он использовал людей. Он использовал меня, Маркуса, Маргарет. Даже Элинора. Она была единственной, кого он любил по-настоящему, и даже её он использовал.

Он замолчал. Пламя в камине потрескивало. Часы на полке отсчитывали секунды. Тик-так. Тик-так. Мерный, бесконечный звук.

- Расскажите о записке, - сказал Айзен.

Аксиома. Ключ у архитектора. Найдите архитектора - найдёте истину».

«Поезд. Вагон 7. Полночь. Аксиома. Ключ у архитектора. Найдите архитектора - найдёте истину».

Почерк был каллиграфическим - с завитками, с ровным наклоном, с изящными хвостиками у букв. Тот самый почерк, который Том видел в дневнике Генри Уинтропа. Тот самый, которыми были написаны все письма Общества.

- «Ключ у архитектора», - прочитал Айзен вслух. - Что это значит? Ключ от чего?

- Я не знаю, - ответил Лэнг. - Я думал об этом много лет. Архитектор - это, очевидно, тот, кто строит. Тот, кто создаёт структуру. Генри был архитектором - он проектировал здания. Но в этой записке «архитектор» написан с маленькой буквы. Как профессия, а не имя собственное.

- Значит, это не обязательно Генри, - сказал Том. - Это может быть любой архитектор.

- Да. - Лэнг кивнул. - Но какой архитектор? Где? И какой ключ он хранит?

В комнате стало тихо. Слышно было только, как потрескивают дрова в камине да как ветер завывает за окном. Айзен взял записку и поднёс её ближе к свету, изучая каждую букву, каждую завитушку. Том знал этот взгляд. Учитель искал то, чего не видели другие.

- Здесь есть ещё кое-что, - сказал он вдруг. - Посмотрите на обратную сторону.

Том и Лэнг подошли ближе. Айзен перевернул записку. На обратной стороне, в самом низу, была ещё одна строка - написанная тем же почерком, но более мелко, почти микроскопически:

«Там, где встречаются пути».

- «Там, где встречаются пути», - прочитал Том. - Что это может значить?

- Вокзал, - сказал Айзен. - Там, где встречаются пути, - это вокзал. Поезда прибывают и отправляются. Пути пересекаются. Это может быть любой вокзал - но скорее всего, Кингс-Кросс. Это ближайший к нам большой вокзал. И Генри Уинтроп работал над его проектом.

- Откуда вы знаете? - спросил Лэнг.

- Бейкер. - Айзен встал и подошёл к книжному шкафу. - Он нашёл в архивах документы. Уинтроп построил в Лондоне три здания. Одно - тот самый дом на Чаринг-Кросс, где мы нашли символ Общества. Второе - особняк в Кенсингтоне. Третье - крыло вокзала Кингс-Кросс.

Он достал с полки папку - ту самую, которую дал ему Бейкер, - и вынул из неё несколько листов. Это были копии архивных документов: планы зданий, письма, счета.

- Вот, - сказал он, кладя один из листов на стол. - Письмо Уинтропа строительной компании. Он пишет о «специальных требованиях» к конструкции вокзала. О «скрытых помещениях» и «дополнительных проходах». Читайте.

Лэнг взял письмо и начал читать. Его губы шевелились, глаза бегали по строчкам. Том видел, как меняется его лицо - от недоверия к удивлению, от удивления к пониманию.

- «Прошу предусмотреть скрытое помещение под платформой номер семь», - прочитал он вслух. - «А также дополнительный проход, соединяющий его с багажным отделением. Эти помещения не должны быть отражены в официальном плане здания. Оплата будет произведена отдельно». - Он поднял глаза. - Скрытое помещение под платформой. Как в колледже. Как в отеле.

- Да, - сказал Айзен. - Генри строил потайные комнаты везде, где работал. Это была его подпись. Его способ оставить след.

- Значит, ключ там? - спросил Том. - В этой комнате?

- Возможно. - Айзен затянулся трубкой. - Но мы не узнаем, пока не проверим.

Он встал и взял пальто.

- Вы сейчас? - удивился Лэнг. - Ночью?

- Ночью. - Айзен надел шляпу. - Вокзал открыт круглосуточно. Поезда ходят и ночью. Никто не обратит внимания на троих мужчин, которые спустились в служебные помещения.

- Это может быть опасно, - сказал Том. - Мы не знаем, что там.

- Знаю. - Айзен сунул револьвер в карман. - Поэтому мы идём втроём.

Вокзал Кингс-Кросс в ночной час был совсем не таким, как днём. Днём он гудел, как улей: поезда прибывали и отправлялись, носильщики катили тележки, пассажиры спешили к платформам, разносчики газет выкрикивали заголовки. Ночью он затихал. Поездов становилось меньше, пассажиры исчезали, и огромное здание из стекла и стали погружалось в полусон. Только редкие шаги одиноких путешественников нарушали тишину да где-то вдалеке гудел паровоз, ожидающий отправления.

Они прошли через главный зал - огромное пространство с высоким сводчатым потолком, под которым их шаги отдавались гулким эхом. Пахло углём, машинным маслом и чем-то ещё - может быть, временем. Том всегда чувствовал на вокзалах этот запах - запах расставаний и встреч, запах начал и концов.

Платформа номер семь была пуста. Следующий поезд ожидался только утром, и на скамейках не было ни души. Только старый носильщик дремал в углу, надвинув фуражку на глаза.

- Здесь, - сказал Айзен, останавливаясь у края платформы. - Где-то здесь должен быть вход в служебные помещения.

Они нашли лестницу - узкую, железную, ведущую вниз, - и спустились. Внизу было темно и пахло плесенью. Айзен зажёл фонарь и двинулся по коридору. Стены были сложены из старого кирпича, покрытого копотью и паутиной. Где-то капала вода - мерный, ритмичный звук, похожий на тиканье часов. Кап-кап-кап. Как будто само время сочилось сквозь камень.

- Где же комната? - прошептал Лэнг. - Здесь десятки коридоров. Мы можем искать всю ночь.

- Не нужно, - сказал Том. - Смотрите.

Он указал на стену. На кирпичах, едва заметный в свете фонаря, был нарисован символ - лента Мёбиуса, перекрученная трижды. Та самая, которую они видели в подвале на Чаринг-Кросс. Та самая, которую Маргарет чертила на доске.

- Это знак, - сказал Айзен. - Генри оставлял такие везде, где работал. Как подпись. Как указатель.

Он провёл рукой по стене, нащупывая что-то. Затем нажал - и часть стены отошла в сторону, открывая проход.

За проходом была комната. Маленькая, без окон, с низким потолком. В центре стоял стол, покрытый толстым слоем пыли. На столе - шахматная доска. Фигуры из чёрного и белого мрамора были расставлены в начальной позиции. Белые и чёрные. Ожидające первого хода.

И рядом с доской лежал конверт. Плотный, кремовый, с сургучной печатью. На печати был изображён тот же символ - лента Мёбиуса.

Айзен взял конверт. Сломал печать. Достал лист бумаги.

«Вы нашли вторую подсказку. Поздравляю. Но главное впереди. Поезд отправится, когда вы будете готовы. Архитектор».

- Он знал, что мы придём, - сказал Том.

- Да. - Айзен затянулся трубкой. - Он всё знает. Он следит за нами. И он ждёт.

- Но кто он? - прошептал Лэнг.

Айзен посмотрел на шахматную доску. На белого короля, стоящего на e1. На чёрного ферзя, готового к атаке.

- Пока не знаю, - ответил он. - Но я узнаю. Даже если это будет последнее, что я сделаю.

Они вернулись в квартиру Айзена в третьем часу ночи. Город спал - даже вечно бодрствующий Лондон, даже его неутомимые кебы и ночные сторожа, даже голуби под сводами вокзала. Тишина была такой глубокой, что Том слышал, как снег падает на крыши - мягкий, почти неслышимый звук, похожий на дыхание спящего ребёнка. Миссис Гримшоу, должно быть, уже спала - в вестибюле было темно, и только тусклая лампочка на лестнице освещала им путь. Они поднялись по ступеням, стараясь не шуметь - третья ступенька скрипнула, как всегда, но сегодня этот звук показался Тому особенно громким, как выстрел в тишине.

Айзен запер дверь на ключ - два оборота, как он делал всегда. Этот звук Том помнил с тех пор, как впервые пришёл сюда. Тогда он был семнадцатилетним мальчишкой, дрожащим от холода и надежды. Теперь ему было двадцать пять, и он всё ещё дрожал - но уже по другой причине.

В гостиной всё ещё горел камин. Угли мерцали алым, и комната была наполнена теплом и запахом вишнёвого табака, который, казалось, впитался в стены за многие годы. Айзен подбросил полено, и пламя вспыхнуло с новой силой, осветив лица собравшихся - усталые, но решительные.

Они сели. Айзен - в своё кресло у камина, старое, с протёртой обивкой на подлокотниках, то самое, в котором он сидел, когда читал «Божественную комедию» и когда получил телеграмму. Том - на диван, обитый тёмно-зелёным бархатом, который помнил ещё Элинора. Лэнг - на стул у двери, как человек, который всё ещё не уверен, имеет ли он право здесь находиться.

Айзен положил конверт на стол, рядом с первой запиской. Два листа бумаги. Один - найденный Лэнгом в книге Диккенса, потрёпанный, с загнутыми уголками, пахнущий старой бумагой и временем. Второй - найденный ими в тайной комнате под платформой, плотный, кремовый, с оборванной сургучной печатью. Один вёл к другому. И оба были написаны одним почерком - каллиграфическим, с завитками, с ровным наклоном. Почерком Генри Уинтропа.

- Итак, - сказал Айзен, закуривая трубку. Дым поднялся к потолку, закручиваясь в медленные спирали, которые таяли в полумраке. - Что мы имеем?

Том достал блокнот - старую привычку, которую он приобрёл ещё в колледже и от которой не мог отказаться, как Айзен не мог отказаться от трубки. Он начал записывать, проговаривая вслух:

- Первая записка: «Поезд. Вагон 7. Полночь. Аксиома. Ключ у архитектора. Найдите архитектора - найдёте истину. Там, где встречаются пути». Найдена в книге «Большие надежды» Диккенса, первое издание, 1861 год. Спрятана под обложкой. Лэнг искал её много лет.

- Вторая записка: «Вы нашли вторую подсказку. Поздравляю. Но главное впереди. Поезд отправится, когда вы будете готовы. Архитектор». Найдена в тайной комнате под платформой номер семь вокзала Кингс-Кросс. Комната построена Генри Уинтропом в 1908 году. Вход в неё обозначен символом Общества - лентой Мёбиуса, перекрученной трижды.

Он отложил ручку и посмотрел на написанное.

- Что общего? - спросил Айзен.

- Почерк. Обе записки написаны одним человеком. Предположительно - Генри Уинтропом.

- Верно. Что ещё?

- Поезд. Вагон 7. Полночь. Это повторяется в обеих записках. Как будто автор хочет, чтобы мы запомнили эти слова. Как будто это заклинание.

- Или приглашение, - добавил Лэнг. Его голос звучал глухо - он устал, и его глаза за золотыми очками были красными от недосыпа. - Или вызов. Генри любил игры. Он говорил, что жизнь - это шахматная партия, и каждый ход должен вести к следующему. Эти записки - его ходы. А мы должны ответить.

- Да. - Айзен затянулся трубкой. - Но приглашение куда? В первой записке сказано: «Там, где встречаются пути». Мы истолковали это как вокзал. Мы нашли комнату на вокзале. Но поезд, о котором говорится в записках, - это не обычный поезд. Обычные поезда ходят по расписанию. У них есть номера, маршруты, билеты. А этот поезд - он невидим. Его нет в расписании. Никто не знает, когда он отправится.

- Может быть, это специальный поезд? - предположил Том. - Частный? Как те, что заказывают для особых случаев?

- Может быть. - Айзен задумался. - Но я думаю, что «поезд» - это не только транспорт. Для Генри всё было символом. Отель «Гильберт» - реальное здание и метафора бесконечности. Колледж Бесконечности - реальное учебное заведение и метафора поиска истины. Поезд - это тоже и то, и другое. Реальный поезд, который куда-то идёт. И символ пути, который мы должны пройти.

- Пути куда? - спросил Лэнг.

- К Аксиоме. - Айзен взял первую записку и перечитал её. - «Аксиома» - это не просто слово. В математике аксиома - это утверждение, которое принимается без доказательств. То, на чём строится вся система. Генри искал аксиому реальности - единую формулу, из которой можно вывести всё остальное. Он верил, что нашёл её. Или был близок к этому. И он оставил путь к ней. Для тех, кто достоин.

- Для нас? - спросил Том.

- Для нас. - Айзен кивнул. - И для тех, кто придёт после.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как потрескивают дрова в камине да как ветер завывает за окном. Том смотрел на две записки, лежащие на столе, и думал о том, как странно всё сложилось. Они начали с кражи книг в букинистической лавке - мелкого, почти незначительного дела. А теперь они ищут Архитектора, который построил тайные комнаты по всему Лондону и, возможно, знает истину, которую искал Генри Уинтроп. Истину, которая стоила жизни Элиноর, декану, профессору Уинтерботтом. Истину, которая может стоять жизни им.

- Мы должны быть осторожны, - сказал он. - Если Архитектор - это тот, кто продолжает дело Генри, он опасен. Мы знаем, на что способны члены Общества.

- Знаем, - согласился Айзен. - Поэтому мы будем действовать вместе. Ты, я, Лэнг. И Маргарет. И Бейкер. Мы - команда.

- И что мы будем делать? - спросил Лэнг. - У нас есть две записки. Мы знаем, что есть ещё подсказки. Но мы не знаем, где их искать. Это как искать иголку в стоге сена.

- Не совсем. - Айзен покачал головой. - У нас есть кое-что ещё. Письмо Уинтропа, которое нашёл Бейкер. Там говорится о двенадцати зданиях. Двенадцати точках на карте. И поезде, который их соединяет. Мы должны найти эти здания.

- Но как? У нас нет их адресов.

- Будут. - Айзен встал и подошёл к телефону. - Завтра утром мы поедем в Скотленд-Ярд. Бейкер обещал проверить архивы. Возможно, он уже нашёл что-то.

Он снял трубку, но, взглянув на часы - было половина четвёртого утра, - передумал и положил её обратно.

- Завтра, - сказал он. - А сейчас - спать. Всем. Даже вам, Лэнг. Вы останетесь здесь. Диван в вашем распоряжении.

- Я не хочу стеснять...

- Вы не стесняете. - Айзен бросил ему подушку. - Спите. Завтра будет трудный день.

Утро началось с телефонного звонка. Том, который спал на диване в гостиной - Лэнг устроился в кабинете, на старой кушетке, - проснулся от резкого трезвона. Солнце уже встало, и его бледные лучи пробивались сквозь занавески, заливая комнату холодным ноябрьским светом. Айзен уже был на ногах - он стоял у аппарата, прижав трубку к уху, и его лицо было напряжённым.

- Да, - говорил он. - Да. Понимаю. Когда? Хорошо. Мы будем.

Он положил трубку и повернулся к Тому.

- Это был Бейкер. Он нашёл кое-что в архивах. То, что может нам помочь.

- Что именно?

- Список. - Айзен взял пальто. - Список всех зданий, которые построил Генри Уинтроп. Их не три. Их двенадцать. Ровно столько, сколько говорилось в письме.

Через час они уже были в Скотленд-Ярде. Здание встретило их обычной суетой - констебли в форме сновали по коридорам, детективы в штатском пили кофе и обсуждали дела, где-то хлопала дверь, где-то звонил телефон. Пахло карболкой, табаком и машинным маслом - запахом, который Том помнил с детства, когда отец, доктор Грейвз, приводил его сюда для освидетельствования задержанных.

Кабинет Бейкера находился на втором этаже - небольшая комната с окном, выходящим на набережную. На столе, как всегда, царил организованный хаос: бумаги, папки, фотографии, чашка с остывшим кофе. Сам Бейкер сидел за столом и выглядел так, будто не спал всю ночь. Его глаза были красными, галстук съехал набок, но на лице было выражение удовлетворения - выражение человека, который нашёл то, что искал.

- Я проверил всё, - сказал он, когда они вошли. - Каждый документ. Каждый счёт. Каждое письмо. Генри Уинтроп был не просто архитектором. Он был одержим строительством. За десять лет - с 1900 по 1910 год - он построил или перестроил двенадцать зданий в Лондоне. Двенадцать! И в каждом из них были «специальные требования». Скрытые помещения. Дополнительные проходы. Комнаты, которых нет на плане.

Он открыл папку и начал выкладывать на стол документы. Том, Айзен и Лэнг склонились над ними. Это были чертежи - пожелтевшие от времени, с загнутыми уголками, некоторые порванные на сгибах. Письма строительным компаниям - написанные каллиграфическим почерком, который они уже научились узнавать. Счета за материалы - кирпич, цемент, стальные балки. И на каждом документе - подпись Генри Уинтропа, с завитками, с ровным наклоном, с изящными хвостиками у букв.

- Смотрите, - сказал Бейкер, указывая на один из чертежей. Это был пожелтевший лист ватмана, на котором тушью был нарисован план здания. - Это особняк в Кенсингтоне. Вот здесь, на втором этаже, - комната, которой нет в официальном плане. Она обозначена как «чулан», но её размеры - десять на десять футов. Это не чулан. Это полноценная комната. С окном. С камином. С потайной дверью, ведущей в библиотеку.

- Как в колледже, - сказал Том, проводя пальцем по линиям чертежа. - Как в отеле.

- Именно. - Бейкер перевернул страницу. - А вот это - план жилого дома в Блумсбери. Здесь, в подвале, - скрытый проход, ведущий в соседнее здание. Никто не знал о нём. Жильцы думали, что подвал заканчивается стеной. А на самом деле за стеной - коридор. И он ведёт в библиотеку Британского музея.

- В библиотеку? - Лэнг поднял брови. - Зачем?

- Не знаю. Но это не случайность. Уинтроп ничего не делал случайно.

Айзен взял один из чертежей и долго смотрел на него. Его лицо было бесстрастным, но Том видел, как напряглись желваки на скулах.

- Что ещё? - спросил он. - Вы сказали, что нашли что-то важное.

- Да. - Бейкер достал из папки пожелтевший лист бумаги. Это было письмо - написанное тем же каллиграфическим почерком, на плотной кремовой бумаге с водяными знаками. - Это письмо. Уинтроп пишет некоему мистеру Хоторну, своему помощнику. Он говорит о «последнем проекте». О «поезде, который будет ходить по кругу, соединяя все точки». Читайте.

Айзен взял письмо и начал читать вслух. Его голос звучал ровно, но каждое слово падало в тишину кабинета, как камень в воду:

«Дорогой Хоторн. Я завершил чертежи. Последний проект будет самым грандиозным. Поезд, который будет ходить по кругу, соединяя все двенадцать точек. В каждом здании - остановка. В каждой остановке - подсказка. Тот, кто пройдёт весь путь, найдёт Аксиому. Но только тот, кто достоин. Тот, кто умеет видеть. Тот, кто не боится идти до конца. Г.У.»

В комнате стало тихо. Слышно было только, как за окном гудит автомобиль да как часы на стене отсчитывают секунды.

- Поезд, который ходит по кругу, - прошептал Том. - Это не настоящий поезд. Это...

- Это маршрут, - закончил Айзен. - Путь, который соединяет все здания Уинтропа. Двенадцать зданий. Двенадцать остановок. И в каждой - подсказка, ведущая к следующей.

- Как в квесте, - сказал Лэнг, и его голос дрожал от волнения. - Как в средневековых легендах. Рыцари искали Святой Грааль, а мы ищем Аксиому.

- И конечная цель - истина, - добавил Айзен. - Та самая, которую искал Генри. Та самая, ради которой он жил и умер.

Том смотрел на карту Лондона, висевшую на стене кабинета Бейкера. Она была старой, потрёпанной, с выцветшими красками и пятнами от кофе. Но на ней были видны все улицы, все площади, все здания. И где-то там, среди этого лабиринта, были спрятаны двенадцать точек. Двенадцать остановок. Двенадцать подсказок.

- Мы должны пройти этот путь, - сказал он. - Найти все подсказки.

- Да. - Айзен кивнул. - Но это займёт время. У нас нет адресов всех двенадцати зданий. И мы не знаем, в каком порядке идти.

- У нас есть первое здание, - сказал Лэнг. - Дом на Чаринг-Кросс. Там мы нашли символ.

- И второе - вокзал Кингс-Кросс, - добавил Том. - Там мы нашли вторую записку.

- Значит, нужно искать третье. - Айзен взял список, который Бейкер положил на стол. - Бейкер, вы можете найти адреса остальных зданий?

- Постараюсь. Но это займёт несколько дней. Архивы неполные. Некоторые документы утеряны. Другие - засекречены.

- Засекречены? Почему?

- Не знаю. Но когда я попытался запросить планы некоторых зданий, мне отказали. Сказали, что это «государственная тайна».

Айзен и Том переглянулись. Государственная тайна. Это меняло дело. Если правительство скрывало что-то, связанное с Уинтропом, значит, это что-то было очень важным. Или очень опасным.

- Мы не можем ждать, - сказал Айзен. - Архитектор сказал: «Поезд отправится, когда вы будете готовы». Значит, он ждёт. Но он не будет ждать вечно. Мы должны действовать.

- Что вы предлагаете? - спросил Бейкер.

- Найти адреса. Все двенадцать. Любым способом. А потом - пройти этот путь. Шаг за шагом. От первой подсказки до последней. Пока не найдём Архитектора.

- И Аксиому, - добавил Лэнг.

- И Аксиому.

Вечером того же дня Том наконец вернулся домой. Он шёл по заснеженным улицам, и каждый шаг отдавался хрустом под ногами. В витринах магазинов уже зажглись рождественские огни - гирлянды из еловых веток, свечи, фигурки Санта-Клауса. До Рождества оставался месяц, но Лондон уже начинал готовиться к празднику. Том смотрел на эти огни и думал о том, что в детстве Рождество было для него самым счастливым временем. Тогда всё было просто. Тогда не было тайных обществ, загадочных Архитекторов и подсказок, спрятанных в книгах. Тогда были только подарки под ёлкой и запах хвои.

Он поднялся по лестнице, открыл дверь и вошёл в квартиру. В гостиной горел свет. Маргарет сидела в кресле у камина, закутавшись в плед, и читала при свете лампы. Увидев его, она отложила книгу - это был Честертон, «Человек, который был Четвергом», - и встала.

- Ты вернулся, - сказала она.

Это был не вопрос. Это была констатация факта. Она всегда знала, когда он вернётся. Может быть, чувствовала. Может быть, просто ждала.

- Я вернулся. - Том обнял её, зарываясь лицом в её волосы. От них пахло лавандой - её любимыми духами. - Прости, что не предупредил. Мы задержались в Скотленд-Ярде. Бейкер нашёл кое-что важное.

- Я знаю. - Она прижалась к нему. - Инспектор звонил. Он сказал, что вы будете поздно. Я не волновалась. Почти.

- Почти?

- Ну, может быть, совсем чуть-чуть. - Она улыбнулась. - Рассказывай.

Они сели в гостиной. Камин горел, и пламя отбрасывало на стены пляшущие тени. Том взял её за руку и начал рассказывать. О тайной комнате под платформой. О второй записке. О письме Уинтропа, найденном Бейкером. О двенадцати зданиях, построенных Уинтропом в Лондоне. О поезде, который ходит по кругу, соединяя все точки. О двенадцати подсказках, которые они должны найти.

Маргарет слушала, не перебивая. Её лицо оставалось спокойным, но Том видел, как пальцы её сжимают его руку - единственный признак напряжения.

- Значит, это не конец, - сказала она, когда он закончил. - Это только начало.

- Похоже на то.

- И вы собираетесь пройти весь этот путь? Все двенадцать зданий?

- Да. Мы должны. Иначе мы никогда не узнаем правду.

Маргарет встала и подошла к окну. За стеклом падал снег - медленно, беззвучно, как во сне. Уличный фонарь отбрасывал на снег жёлтый круг света, и в этом круге снежинки танцевали свой бесконечный танец. Она стояла и смотрела на них, и её лицо было задумчивым.

- Знаешь, о чём я думаю? - спросила она, не оборачиваясь.

- О чём?

- О том, что всё это - как лента Мёбиуса. Мы идём вперёд, думаем, что движемся к чему-то новому, а на самом деле возвращаемся к тому же, с чего начали. Йоркшир. Оксфорд. Лондон. Отель. Колледж. Вокзал. Всё повторяется. Всё возвращается.

- Но мы изменились, - сказал Том. - Мы не те, кем были тогда.

- Да. - Она обернулась. - Мы сильнее. Мы умнее. Мы вместе. И это главное.

Том подошёл и обнял её. Они стояли у окна, глядя на падающий снег, и молчали. Молчание было уютным, как старый плед, как потрескивание дров в камине, как тиканье часов на полке.

- Я боюсь, - сказала вдруг Маргарет.

- Чего?

- Потерять тебя. Потерять всё это. Нашу жизнь. Наш дом. Наше будущее. Мы только начали его строить, Том. А теперь прошлое возвращается и угрожает всё разрушить.

- Не разрушит. - Том прижал её крепче. - Потому что мы не позволим. Мы остановим их, как остановили в прошлый раз. И потом вернёмся домой. К нашей жизни. К нашему будущему.

- Ты обещаешь?

- Обещаю.

Она посмотрела ему в глаза. В её взгляде были и страх, и надежда, и любовь - всё сразу.

- Я верю тебе, Томас Грейвз. Я всегда тебе верила.

Он поцеловал её - нежно, долго, как будто в первый раз. И в этом поцелуе было обещание. Обещание вернуться. Обещание победить. Обещание жить.

Ночью Том долго не мог уснуть. Он лежал в постели, глядя в потолок, и думал о том, что сказала Маргарет. «Всё это - как лента Мёбиуса. Мы идём вперёд, а возвращаемся к тому же». Она была права. Всё повторялось. Отель, колледж, теперь - Лондон. Но она была права и в другом: они изменились. Они стали сильнее. Они стали командой.

Он думал о двенадцати зданиях Уинтропа. О двенадцати подсказках, которые им предстояло найти. О поезде, который ходит по кругу. О Архитекторе, который ждал в конце пути.

И он думал о Генри Уинтропе. О человеке, который начал эту игру тридцать лет назад. Который верил, что истина - это уравнение, которое можно решить. Который посвятил жизнь поиску Аксиомы. Который умер - или не умер? - оставив после себя лабиринт из зданий, подсказок и тайн.

Кем он был? Гением или безумцем? Спасителем или разрушителем?

Том не знал. Но он знал, что должен узнать. Потому что от этого зависела не только их жизнь. От этого зависела истина.

За окном падал снег. Где-то далеко, на вокзале Кингс-Кросс, стоял поезд. Он ждал.

Глава 4. Первая остановка

Субботнее утро началось с тишины.

Снег, падавший всю ночь, укрыл Лондон белым покрывалом, и город, обычно шумный и суетливый, затих, как будто природа приказала ему остановиться. На Гауэр-стрит не было слышно ни кебов, ни автомобилей, ни криков разносчиков газет - только редкие прохожие, укутанные в шарфы, спешили по своим делам, оставляя на снегу цепочки следов. Тишина была такой глубокой, что Том, проснувшись, несколько минут лежал в постели, прислушиваясь к ней. Он думал о том, что такая тишина бывает только перед бурей. Или после неё.

Маргарет ещё спала. Она лежала, свернувшись калачиком, поджав колени к животу - привычка, которая появилась у неё в колледже, когда она мёрзла по ночам в своей холодной комнате. Одеядо сползло с её плеча, и Том осторожно поправил его, стараясь не разбудить. В утреннем свете, пробивавшемся сквозь занавески, её лицо казалось особенно бледным, почти прозрачным. Он смотрел на неё и думал о том, что она - самое дорогое, что у него есть. И о том, что сегодня они начинают путь, который может изменить всё.

Он встал, стараясь не шуметь, и прошёл на кухню. Здесь было холодно - камин в гостиной ещё не разожгли, а кухонная плита остыла за ночь. Том поёжился, накинул халат и начал разводить огонь. Это был ритуал, которому его научил Айзен: сначала смятая газета, потом тонкие щепки, потом полено побольше. Когда пламя наконец занялось, он поставил на плиту кофейник и сел за стол, ожидая, пока кофе сварится.

На столе лежал его блокнот. За последние дни он исписал его почти до конца - заметки, схемы, вопросы, подсказки. Он открыл его и перечитал последнюю запись, сделанную вчера вечером после возвращения из Скотленд-Ярда:

«Двенадцать зданий. Двенадцать остановок. Поезд, который ходит по кругу. В каждом здании - подсказка. Нужно пройти их все, чтобы найти Аксиому.

Первое здание - дом на Чаринг-Кросс (уже посещён, символ найден).

Второе - вокзал Кингс-Кросс (уже посещён, вторая записка найдена).

Третье - особняк в Кенсингтоне (? - нужно проверить).

Остальные - нужны адреса. Бейкер обещал принести список сегодня.

Вопросы:

- Кто такой Архитектор?

- Почему он оставляет подсказки?

- Почему сейчас, спустя столько лет?

- Что такое Аксиома на самом деле? Формула? Истина? Что-то ещё?

- Как связаны двенадцать зданий и поезд?»

Он перечитал написанное и добавил ещё одну строку: «Сегодня мы начинаем путь. Я не знаю, куда он приведёт. Но я знаю, что мы должны его пройти».

Кофе закипел. Том налил себе чашку и сел у окна, глядя на заснеженную улицу. Снег всё ещё падал - редкие хлопья кружились в воздухе и опускались на подоконник. Он думал о том, что сказала Маргарет вчера вечером. «Всё это - как лента Мёбиуса. Мы идём вперёд, а возвращаемся к тому же». Она была права. Йоркшир, Оксфорд, Лондон. Отель, колледж, вокзал. Всё повторялось. Но она была права и в другом: они изменились. Они стали сильнее. Они стали командой.

В спальне послышался шорох - Маргарет проснулась. Через минуту она появилась в дверях кухни, закутанная в халат, с заспанными глазами и растрёпанными волосами. Том подумал, что она прекрасна. Он всегда так думал, но сегодня это чувство было особенно острым.

- Доброе утро, - сказала она, садясь за стол.

- Доброе. Кофе готов.

- Ты сегодня рано.

- Не мог спать.

Она взяла чашку, сделала глоток и посмотрела на него поверх края.

- Ты волнуешься.

Это был не вопрос. Она всегда знала.

- Немного, - признался Том. - Сегодня мы начнём путь. Я не знаю, что мы найдём. И я не знаю, чем это закончится.

- Мы справимся. - Она протянула руку и коснулась его пальцев. - Мы всегда справляемся.

- Знаю. - Он сжал её руку. - Просто... иногда мне кажется, что мы ходим по краю пропасти. И один неверный шаг - и всё рухнет.

- Мы не упадём. - Она посмотрела ему в глаза. - Потому что мы вместе. И потому что мы не одни. У нас есть инспектор. У нас есть Лэнг и Бейкер. У нас есть цель. И пока это так, мы будем идти.

Том улыбнулся.

- Ты всегда знаешь, что сказать.

- Я математик. Мы решаем уравнения. А это уравнение - мы решим.

Они допили кофе. Маргарет пошла одеваться, а Том собрал бумаги в портфель. Сегодня был важный день. Сегодня они должны были получить адреса всех двенадцати зданий. И сегодня они должны были начать свой путь.

В кабинете Бейкера было тепло и дымно. Инспектор, как всегда, сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то писал. На нём был мятый костюм - Том не был уверен, что Бейкер вообще менял его за последние дни, - и галстук съехал набок. Но глаза его горели тем особенным огнём, который бывает только у людей, напавших на след.

Айзен уже был там. Он сидел в кресле у окна, закутавшись в своё неизменное расстёгнутое пальто, и курил трубку. Вишнёвый дым поднимался к потолку, закручиваясь в медленные спирали. Лэнг стоял у стены, изучая карту Лондона, висевшую над столом. Он водил пальцем по улицам, что-то бормоча себе под нос, и Том, глядя на него, подумал, что профессор выглядит почти счастливым. Может быть, потому что наконец-то занят делом. Может быть, потому что наконец-то не один.

- Доброе утро, - сказал Том, входя.

- Доброе, - отозвался Айзен, не оборачиваясь. - Бейкер нашёл адреса.

- Все двенадцать?

- Все двенадцать. - Бейкер поднял голову и улыбнулся - устало, но довольно. - Я провёл в архивах всю ночь. Перерыл кипы документов. Но оно того стоило. Вот, смотри.

Он протянул Тому лист бумаги. Это был список - аккуратно написанный от руки, с адресами, датами постройки и краткими описаниями. Том пробежал его глазами. Здания были разбросаны по всему Лондону - от Кенсингтона до Блумсбери, от Челси до Ислингтона. Каждое было построено в период с 1900 по 1910 год. Каждое имело «особые архитектурные особенности» - так Уинтроп называл свои тайные комнаты.

- Вот, смотрите, - сказал Бейкер, указывая на первый адрес в списке. - Особняк на Кенсингтон-Палас-Гарденс, 12. Построен в 1902 году. Сейчас там живёт семья лорда Эшби - точнее, его вдова. Уинтроп спроектировал его так, что на втором этаже есть потайная комната. Она обозначена в документах как «гардеробная», но на самом деле это полноценное помещение с отдельным входом и собственной системой вентиляции.

- Лорд Эшби, - повторил Том. - Тот самый, чьё завещание я проверял в прошлом году?

- Да. - Бейкер кивнул. - Ты тогда спас его состояние от племянника-мошенника. Леди Эшби, думаю, будет рада тебя видеть.

Том вспомнил то дело. Оно было одним из первых по-настоящему крупных в его практике. Старый лорд оставил всё состояние благотворительному фонду, а его племянник пытался оспорить завещание. Том тогда провёл три недели, изучая документы, и в конце концов доказал, что завещание подлинное. Леди Эшби прислала ему благодарственное письмо и корзину фруктов.

- Это было в прошлом году, - сказал он. - Она, наверное, уже забыла.

- Не забыла, - возразил Бейкер. - Я звонил ей вчера. Она помнит тебя. И она согласилась нас принять.

- Ты уже звонил?

- Конечно. Я же инспектор полиции. Это моя работа.

Айзен взял список и пробежал его глазами. Его лицо оставалось бесстрастным, но Том видел, как напряглись желваки на его скулах - верный признак того, что учитель напряжённо думает.

- Двенадцать зданий, - произнёс он. - Если в каждом есть подсказка, нам понадобится время. Возможно, несколько недель. Мы не можем объехать их все за один день.

- Значит, будем ездить по одному в день, - сказал Том. - Или по два. Сколько успеем.

- Нет. - Айзен покачал головой. - Мы должны двигаться быстрее. Архитектор ждёт. Он сказал: «Поезд отправится, когда вы будете готовы». Но он не будет ждать вечно. Если мы задержимся, поезд уйдёт без нас. И мы никогда не найдём Аксиому.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как потрескивают дрова в камине да как тикают часы на стене. Том смотрел на список и думал о том, что сказал Айзен. Учитель был прав. Время играло против них. Архитектор ждал. Поезд ждал. И где-то там, в конце этого пути, была разгадка - та самая Аксиома, которую Генри Уинтроп искал всю жизнь и ради которой, возможно, умер.

- Тогда что вы предлагаете? - спросил он.

- Разделиться. - Айзен посмотрел на него, потом на Лэнга, потом на Бейкера. - Мы не можем тратить недели. Том, ты возьмишь половину списка. Я возьму другую. Бейкер будет координировать отсюда, из Скотленд-Ярда. Лэнг поедет со мной.

- Со мной? - Лэнг удивлённо поднял брови. - Вы хотите, чтобы я...

- Вы знаете Уинтропа лучше, чем кто-либо из нас. Вы учились у него. Вы знаете его почерк, его манеру мыслить, его символы. Без вас мы будем искать вслепую.

Лэнг долго молчал. Затем кивнул.

- Хорошо. Я поеду с вами.

- А Маргарет? - спросил Том. - Она тоже хочет участвовать.

- Маргарет будет с тобой, - сказал Айзен. - Вы - команда. И вам понадобится её ум.

Том кивнул. Он знал, что Маргарет будет рада. Она не хотела оставаться в стороне, пока они рискуют жизнью.

- Но сначала, - продолжил Айзен, - мы пойдём вместе. В особняк Эшби. Это наша первая остановка. И я хочу, чтобы мы прошли её все вместе. Как тогда. Как в колледже.

- Почему? - спросил Лэнг.

- Потому что это начало, - ответил Айзен. - А начало всегда должно быть вместе.

Кенсингтон-Палас-Гарденс был одной из самых тихих улиц Лондона. Здесь не было магазинов, не было трамваев, не было криков разносчиков газет. Только старые особняки, окружённые дубами и коваными оградами, да редкие автомобили, проезжавшие по мостовой. Снег лежал на ветвях деревьев, на крышах, на тротуарах - белый, нетронутый, как будто никто здесь не ходил.

Том, Айзен, Лэнг и Маргарет вышли из такси у ворот особняка номер двенадцать. Это было величественное здание в георгианском стиле - три этажа, высокие окна с белыми наличниками, массивная дубовая дверь с медным молотком. Над дверью висел герб семьи Эшби -

лев, держащий в лапе раскрытую книгу. Том смотрел на этот герб и думал о том, что книги преследуют их. Книги, в которых спрятаны подсказки. Книги, которые ведут их по пути, проложенному мёртвым архитектором.

- Красивый дом, - сказала Маргарет. Она стояла рядом с Томом, закутавшись в шерстяное пальто, и её дыхание вырывалось в холодный воздух белыми облачками. - Интересно, сколько ему лет?

- Построен в 1902 году, - ответил Том. - Уинтропу тогда было около тридцати. Это один из его первых проектов.

- И он уже тогда прятал тайные комнаты?

- Похоже на то.

Айзен поднялся по ступеням и постучал молотком. Звук отозвался глухим эхом внутри дома. Прошло несколько секунд, затем дверь открылась.

Дворецкий был высок, седовлас, с безупречной осанкой и лицом, которое ничего не выражало. Он оглядел посетителей - Айзена в его расстёгнутом пальто, Тома с портфелем, Лэнга с тростью, Маргарет в её скромном платье, - и в его глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

- Инспектор Айзен? - спросил он.

- Да.

- Леди Эшби ждёт вас. Прошу.

Они вошли в вестибюль. Он был огромным - с мраморным полом, с высоким потолком, расписанным фресками, с хрустальной люстрой, которая свисала на длинной позолоченной цепи и звенела от сквозняка. Стены были украшены портретами предков лорда Эшби - суровых мужчин в напудренных париках, дам в пышных платьях с кружевными воротниками. Пахло воском, старым деревом и чем-то ещё - может быть, временем.

Дворецкий провёл их в гостиную. Это была просторная комната с высокими окнами, выходящими в заснеженный сад. В камине горел огонь, и пламя отбрасывало на стены пляшущие тени. У камина, в кресле с высокой спинкой, сидела леди Эшби.

Она была пожилой женщиной - лет семидесяти, с седыми волосами, убранными в строгий пучок, и добрым, но усталым лицом. Её глаза, светло-голубые, как зимнее небо, смотрели на вошедших с любопытством, но без страха. Она была закутана в шерстяную шаль, а на коленях у неё лежала раскрытая книга - кажется, Диккенс.

- Инспектор Айзен, - сказала она, и в её голосе слышалась приятная хрипотца. - И мистер Грейвз. Я помню вас. Вы спасли состояние моего покойного мужа от этого негодяя-племянника.

- Я просто делал свою работу, леди Эшби, - ответил Том.

- Вы сделали больше. - Она улыбнулась. - Но я так понимаю, сегодня вы здесь не для того, чтобы вспоминать прошлое?

- Нет, - сказал Айзен. - Мы расследуем дело, связанное с архитектором, который построил этот дом. Он оставил здесь кое-что. Подсказку. Она может быть спрятана в потайной комнате.

Леди Эшби нахмурилась.

- Потайная комната? В этом доме? Я живу здесь почти десять лет и никогда не слышала ни о чём подобном.

- Комната есть, - вмешалась Маргарет. - В документах она обозначена как «гардеробная» на втором этаже. Но её размеры не соответствуют гардеробной. Это полноценное помещение, спрятанное за книжными полками.

- За книжными полками? - Леди Эшби покачала головой. - Вы имеете в виду ту маленькую комнатку рядом со спальней моего мужа? Он использовал её для хранения книг. Но там нет ничего особенного. Я проверяла её много раз.

- Можно нам взглянуть? - спросил Том.

- Конечно. - Она встала, опираясь на трость. - Я провожу вас.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Ступени были устланы ковровой дорожкой, заглушавшей шаги. На стенах висели картины - пейзажи, портреты, натюрморты. Том смотрел на них и думал о том, что за каждой картиной может скрываться тайник. Уинтроп любил прятать вещи на виду. «Истина должна быть спрятана, чтобы её можно было найти», - говорил он.

Коридор второго этажа был длинным и тёмным. Лампы не горели - только свет из окон падал на ковёр косыми полосами. Леди Эшби остановилась у двери в конце коридора.

- Вот здесь, - сказала она, открывая дверь. - Это гардеробная моего мужа. Вернее, то, что от неё осталось.

Комната была маленькой - шагов пять в длину, шагов пять в ширину. Стены были заставлены книжными полками, на которых пылились старые тома в кожаных переплётах. В углу стоял письменный стол, заваленный пожелтевшими бумагами. У окна - кресло с протёртой обивкой. На первый взгляд - ничего необычного.

Но Том заметил кое-что. Он подошёл ближе и провёл рукой по корешкам книг. Они были старыми, пыльными, некоторыми явно не пользовались годами. Но одна из полок была чуть выступающей. Совсем чуть-чуть - на долю дюйма. Том потянул за неё, и она подалась, отходя в сторону с тихим скрипом.

За полкой была дверь. Маленькая, деревянная, с латунной ручкой.

- Боже мой, - прошептала леди Эшби, прижимая руку к груди. - Я и не знала. Десять лет я жила здесь и не знала.

- Никто не знал, - сказал Айзен. - Кроме того, кто её построил.

Он повернул ручку. Дверь открылась с тихим скрипом.

За ней была комната. Маленькая, без окон. Воздух здесь был спёртым, пахло пылью и старым деревом. В центре стоял стол, покрытый толстым слоем пыли. На столе - шахматная доска с фигурами из чёрного и белого мрамора. Фигуры были расставлены в начальной позиции. Белые и чёрные. Ожидающие первого хода.

И рядом с доской лежал конверт. Плотный, кремовый, с сургучной печатью. На печати - символ Общества: лента Мёбиуса, перекрученная трижды.

Айзен взял конверт. Сломал печать. Достал лист бумаги.

«Вы нашли третью остановку. Поздравляю. Но путь только начался. Ищите четвертую там, где слова становятся числами. Архитектор».

- «Там, где слова становятся числами», - прочитал Том вслух. - Что это может значить?

- Библиотека, - сказал Лэнг. - Где ещё слова становятся числами? В библиотеке все книги классифицируются по номерам. Десятичная система Дьюи, каталоги, шифры.

- Британский музей, - сказал Айзен. - Уинтроп построил проход из жилого дома в Блумсбери прямо в библиотеку музея. Мы должны найти этот проход. Это четвертая остановка.

- Значит, завтра едем в Блумсбери? - спросила Маргарет.

- Да. - Айзен убрал записку в карман. - Но сегодня мы сделали первый шаг. И это важно. Леди Эшби всё ещё стояла у двери, глядя на открытую комнату.

- Кто мог построить такое? - прошептала она. - И зачем?

- Человек, который верил, что истина должна быть спрятана, - ответил Айзен. - И который хотел, чтобы однажды её нашли.

Они вышли из особняка на заснеженную улицу. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени тянулись по снегу, как чёрные пальцы. Том держал в руках третью записку. Три подсказки. Три остановки. Оставалось ещё девять.

- Куда теперь? - спросила Маргарет. Она взяла Тома под руку, и он почувствовал тепло её пальцев даже сквозь перчатки.

- Завтра - в Британский музей, - ответил Айзен. - А сегодня - домой. Нужно отдохнуть. Завтра будет трудный день.

Они попрощались с Лэнгом, который решил остаться в городе и зайти в библиотеку - «чтобы проверить кое-какие записи», как он сказал, - и поехали на Грейт-Ормонд-стрит. В квартире Айзена было тепло. Миссис Гримшоу, должно быть, затопила камин перед их приходом. Они сели в гостиной - Айзен в своём кресле, Том и Маргарет на диване, - и начали обсуждать находку.

- Третья подсказка, - сказал Том, доставая блокнот. - «Там, где слова становятся числами». Это библиотека. Но какая именно библиотека? В Лондоне их десятки.

- Британский музей, - повторил Айзен. - Уинтроп построил проход из дома в Блумсбери прямо в библиотеку. Это не может быть совпадением.

- А если проход уже замурован? - предположила Маргарет. - Прошло тридцать лет. Дом мог быть перестроен.

- Мог, - согласился Айзен. - Но мы должны проверить. Завтра утром мы поедем в Блумсбери и найдём этот дом. А там - посмотрим.

Том записал это в блокнот. Затем поднял глаза на Айзена.

- Сэр, - сказал он. - Можно задать вам личный вопрос?

- Задавай.

- Почему вы делаете это? Почему вы идёте по этому пути? Вы могли бы отказаться. Могли бы сказать, что это не ваше дело. Но вы идёте. Почему?

Айзен долго молчал. Он смотрел на огонь, и в его глазах отражались языки пламени.

- Потому что Элинор верила в истину, - сказал он наконец. - Она верила, что справедливость существует. Что правда всегда выходит наружу. Она умерла за это. И я не могу предать её память. Не могу остановиться. Пока не узнаю всё.

В комнате стало тихо. Маргарет взяла Тома за руку. Айзен затянулся трубкой.

- Завтра мы продолжим, - сказал он. - А сегодня - отдыхайте. Нам понадобятся силы.

Глава 5. Там, где слова становятся числами

Воскресное утро началось с тревоги.

Том проснулся рано, ещё до рассвета, от странного чувства - как будто что-то было не так. Он лежал в постели, глядя в потолок, и пытался понять, что его разбудило. Маргарет спала рядом, её дыхание было ровным и спокойным. За окном светало - бледный ноябрьский свет пробивался сквозь занавески. Всё было как обычно. И всё же что-то было не так.

Он встал, накинул халат и прошёл на кухню. Поставил кофейник на плиту. Выглянул в окно - на улице было тихо, снег, выпавший за ночь, лежал на тротуарах белым покрывалом. И вдруг он понял, что его тревожило.

Лэнг.

Профессор обещал вернуться вчера вечером. Он пошёл в библиотеку Британского музея - «проверить кое-какие записи», как он сказал, - и должен был зайти к Айзену после закрытия. Но он не зашёл. И не позвонил.

Том снял трубку телефона и набрал номер Айзена. Гудок. Ещё гудок. Ещё.

- Да, - раздался голос инспектора. Он звучал так, будто Айзен не спал всю ночь. Впрочем, он всегда звучал так.

- Сэр, Лэнг вернулся?

Пауза.

- Нет. Я думал, он у вас.

- Он не приходил. И не звонил.

В трубке послышался вздох.

- Я знал, что не нужно было отпускать его одного. Он слишком доверчив. Слишком увлечён. Если он нашёл что-то в библиотеке, он мог пойти по следу, не подумав об опасности.

- Вы думаете, с ним что-то случилось?

- Не знаю. Но мы должны его найти. Встретимся у Британского музея через час.

Том положил трубку и разбудил Маргарет. Она выслушала его, и лицо её стало серьёзным.

- Я поеду с вами.

- Ты не обязана.

- Я знаю. - Она встала и начала одеваться. - Но Лэнг - мой друг. Он был моим профессором. Он помогал нам в колледже. Я не останусь в стороне.

Том не стал спорить. Он знал, что это бесполезно.

Британский музей в воскресное утро был закрыт для посетителей. Огромное здание с колоннами, напоминавшее древнегреческий храм, стояло в центре Блумсбери, окружённое заснеженными газонами. Главные двери были заперты, и на ступенях не было ни души - только голуби, нахохлившись, сидели на карнизах, да старый сторож в форменной фуражке прохаживался вдоль фасада.

Айзен ждал их у служебного входа. Рядом с ним стоял Бейкер - он приехал раньше и уже успел поговорить со сторожем. Лицо инспектора было мрачным.

- Что удалось узнать? - спросил Том, подходя.

- Лэнг был здесь вчера вечером, - ответил Бейкер. - Сторож видел его. Он вошёл в библиотеку около шести, перед самым закрытием. Сказал, что ему нужно проверить кое-какие книги. Сторож пропустил его - у Лэнга был читательский билет.

- И он не вышел?

- Сторож говорит, что не видел, как он выходил. Но это ничего не значит. В музее десятки выходов. Лэнг мог уйти через другой.

- Или не уйти, - сказал Айзен. - Мы должны попасть внутрь.

Они прошли через служебный вход. Сторож - пожилой человек с седыми усами и красным носом - провёл их по длинному коридору, пахнущему плесенью и старыми книгами. Библиотека Британского музея была одним из самых больших книгохранилищ в мире - огромный круглый зал с куполом, под которым парил свет, проникавший сквозь стеклянный фонарь. Стены зала были заставлены книгами от пола до потолка - сотни тысяч томов в кожаных переплётах. В центре, под куполом, стояли длинные столы для читателей, сейчас пустые. Тишина здесь была такой глубокой, что Том слышал, как бьётся его собственное сердце.

- Где он работал? - спросил Айзен.

- В секции математики, - ответил сторож. - Он спрашивал, где находятся книги по теории чисел. Я показал ему.

- Проводите нас.

Они прошли через лабиринт стеллажей в дальний конец зала. Секция математики была небольшой - несколько полок, заставленных томами в тёмных переплётах. На одном из столов лежала раскрытая книга. Рядом - блокнот Лэнга, его очки в золотой оправе и карандаш.

- Он был здесь, - сказала Маргарет, беря очки в руки. - Он никогда не уходит без очков. Он без них ничего не видит.

- Значит, что-то заставило его уйти внезапно, - сказал Том. - Что-то, что не терпело отлагательств.

Айзен осмотрел раскрытую книгу. Это был старый том в кожаном переплёте - «Теория чисел» Лежандра. На полях были пометки, сделанные карандашом. Почерк Лэнга - Том узнал его сразу.

- Он изучал что-то, связанное с шифрами, - сказал Айзен. - Смотрите. Здесь формулы. Коды. Он пытался расшифровать что-то.

- Подсказку? - предположил Том. - Может быть, он нашёл что-то, связанное с Уинтропом?

- Возможно. - Айзен перевернул страницу. Из книги выпал сложенный лист бумаги. Он поднял его и развернул. Это была записка - написанная не почерком Лэнга, а кем-то другим. Почерк был каллиграфическим, с завитками. Почерк Уинтропа.

«Четвёртая остановка там, где слова становятся числами. Ищите в каталоге. Номер 1908.21».

- Номер 1908.21, - прочитала Маргарет. - Это шифр книги. Как в библиотечном каталоге.

- Значит, подсказка в книге с этим номером, - сказал Том. - Но где она? Здесь сотни тысяч книг.

- В каталоге, - ответил Айзен. - Мы должны найти каталог.

Они прошли к центральному столу, где стояли ящики с карточками - старый библиотечный каталог, organised by numbers. Айзен начал перебирать карточки, ища номер 1908.21. Том и Маргарет помогали ему. Бейкер стоял у входа, наблюдая за коридором.

- Вот, - сказал Айзен, вытаскивая карточку. - 1908.21. Это книга. «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда. Первое издание. Хранится в специальном фонде.

- Где это?

- В подвале. - Айзен повернулся к сторожу. - Проводите нас.

Сторож заколебался.

- Туда не пускают посетителей. Это закрытый фонд.

- У нас ордер, - сказал Бейкер, доставая документ. - И исчез человек. Ведите.

Сторож вздохнул и повёл их к лестнице, ведущей в подвал. Ступени были каменными, стёртыми посередине. Внизу было темно и пахло плесенью. Они прошли по узкому коридору, мимо запертых дверей, и остановились у одной из них.

- Здесь, - сказал сторож. - Специальный фонд.

Айзен открыл дверь. За ней была комната - небольшая, заставленная стеллажами. На одном из них стояла книга - толстый том в сером переплёте. «Principia Mathematica».

Айзен взял книгу и открыл её. Из неё выпал конверт - плотный, кремовый, с сургучной печатью.

«Вы нашли четвёртую остановку. Поздравляю. Но путь продолжается. Ищите пятую там, где вода встречается с камнем. Архитектор».

- «Там, где вода встречается с камнем», - прочитал Том. - Это может быть что угодно. Фонтан. Мост. Набережная.

- Или подземная река, - сказал Айзен. - В Лондоне есть подземные реки. Флит, Тайберн, Эффра. Уинтроп мог построить что-то рядом с одной из них.

- Но где именно? - спросила Маргарет. - Подземные реки текут под всем Лондоном.

- Значит, нам нужна карта. - Айзен убрал записку в карман. - Бейкер, вы можете найти карту подземных рек?

- Постараюсь. Но это займёт время.

- У нас нет времени. - Айзен повернулся к сторожу. - Вы не видели человека, который был здесь вчера? Профессора Лэнга?

Сторож замялся.

- Я видел его. Он спускался сюда. В подвал. Сказал, что ищет книгу.

- И что потом?

- Я не знаю. Я ушёл. Когда я вернулся, его уже не было. Я подумал, что он ушёл.

- А вы не видели кого-то ещё? Кого-то, кто мог быть здесь?

Сторож отвёл глаза.

- Нет, - сказал он. - Никого.

Но Том заметил, как дрогнул его голос. Сторож что-то скрывал. Он переглянулся с Айзеном - учитель тоже это заметил.

- Спасибо, - сказал Айзен. - Вы свободны.

Когда сторож ушёл, Айзен повернулся к остальным.

- Он лжёт. Кто-то ещё был здесь вчера. Кто-то, кого он боится.

- Архитектор? - предположил Том.

- Или кто-то, кто работает на него. - Айзен задумался. - Лэнг нашёл что-то. Что-то важное. И кто-то не хотел, чтобы он рассказал нам.

- Вы думаете, он... - Маргарет не закончила фразу.

- Я ничего не думаю. - Айзен затянулся трубкой. - Но мы должны найти его. Живым.

Они обыскали подвал, но не нашли ничего. Ни следов Лэнга, ни следов борьбы. Только книга, блокнот, очки - и записка, ведущая к следующей остановке. Лэнг исчез, как будто растворился в воздухе. Как будто его никогда не было.

- Он мог выйти через другой выход, - предположил Бейкер. - В музее их десятки.

- И оставить очки? - возразила Маргарет. - Он без них ничего не видит. Он не ушёл бы добровольно.

- Значит, его увели, - сказал Том. - Или...

- Не говори этого, - перебила Маргарет. - Он жив. Я знаю.

Том не стал спорить. Он сам хотел верить в это.

Они вернулись в квартиру Айзена. Бейкер поехал в Скотленд-Ярд - искать карту подземных рек и проверять записи о посетителях музея. Том, Маргарет и Айзен сидели в гостиной, пытаясь сложить кусочки головоломки.

- Итак, - сказал Айзен, закуривая трубку. - Что мы знаем?

- Лэнг исчез, - начал Том. - Он был в библиотеке, изучал «Теорию чисел» и нашёл записку с номером книги. Он пошёл в подвал, чтобы найти её. И там что-то случилось.

- Кто-то был там, - добавила Маргарет. - Сторож видел его. Но боится говорить.

- Архитектор, - сказал Айзен. - Или тот, кто на него работает. Лэнг нашёл подсказку раньше нас. И кто-то решил его остановить.

- Но почему? - спросил Том. - Зачем Архитектору останавливать нас? Он сам оставил подсказки. Он хочет, чтобы мы их нашли.

- Может быть, он хочет, чтобы их нашёл не Лэнг, - сказал Айзен. - Может быть, он хочет, чтобы их нашёл я. Или ты. Или мы вместе. Лэнг был пешкой в этой игре. И его убрали с доски.

- Но он жив? - спросила Маргарет.

- Должен быть жив. - Айзен затаился трубкой. - Архитектор не убивает без необходимости. Если бы он хотел убить Лэнга, он сделал бы это сразу. Значит, Лэнг ему зачем-то нужен. Возможно, как заложник. Или как приманка.

- Для нас, - сказал Том.

- Для нас.

В комнате стало тихо. Том смотрел на четвёртую записку, лежавшую на столе. «Там, где вода встречается с камнем». Пятая остановка. Но сейчас он не мог думать об этом. Сейчас он думал о Лэнге. О профессоре, который провёл годы в добровольном изгнании, пытаясь искупить свою трусость. Который нашёл в себе силы вернуться и помочь им. И который теперь исчез.

- Мы найдём его, - сказал Том. - И мы найдём Архитектора. И мы закончим эту игру.

- Да, - ответил Айзен. - Найдём.

Вечер опустился на Лондон рано - в ноябре темнело уже к четырём часам, и к тому времени, когда они вышли из квартиры Айзена, город был окутан сиреневыми сумерками. Снег, падавший весь день, наконец прекратился, и улицы лежали под белым покрывалом, чистым и нетронутым, как будто сама природа решила скрыть грязь и копать огромного города. Фонари горели тускло, их свет дрожал на ветру и отражался в снегу, создавая иллюзию, что улицы залиты серебром. Том шёл рядом с Маргарет, держа её под руку, и думал о том, что этот вечер - один из тех, которые запоминаются на всю жизнь. Не потому что происходит что-то великое, а потому что всё вокруг - свет, снег, тишина - складывается в картину, которую невозможно забыть.

Айзен шагал впереди, засунув руки в карманы расстёгнутого пальто. Трубка в его зубах давно погасла, но он не замечал этого. Он думал. Том знал этот взгляд - устремлённый куда-то вдаль, поверх крыш, поверх улиц, поверх всего. Так Айзен смотрел, когда решал уравнение. Когда факты складывались в узор, видимый пока только ему одному. В такие моменты Том не решался заговаривать с учителем - он знал, что Айзен сейчас где-то далеко, в лабиринте логических построений, и любое слово может сбить его с пути.

Бейкер уехал в Скотленд-Ярд - искать карту подземных рек и проверять записи о посетителях музея. Он обещал вернуться к утру с новостями. А пока - они должны были поговорить со сторожем.

Блумсбери вечером был тихим и пустынным. Этот район Лондона, известный своими писателями и философами, своими скверами и музеями, с наступлением темноты затихал, как будто сам воздух здесь требовал тишины. Узкие улочки, зажатые между кирпичными домами, были пусты. Только редкие прохожие спешили домой, кутаясь в шарфы, да где-то вдалеке лаяла собака. Том любил этот район. Здесь они с Маргарет гуляли по воскресеньям, когда были свободны. Здесь, в маленьком кафе на углу, он впервые сказал ей, что любит её. Здесь, на скамейке в сквере, она ответила ему тем же. Блумсбери был их районом. И теперь он становился районом, где исчезали люди.

Дом сторожа находился в переулке за музеем - в таком узком, что два человека едва могли разойтись. Это было старое кирпичное здание, построенное, наверное, ещё в середине прошлого века, когда Блумсбери только начинал застраиваться. Краска на фасаде облупилась, обнажив тёмный кирпич, покрытый копотью. Окно, выходящее на переулок, было тусклым и

маленьким - сквозь него едва пробивался свет керосиновой лампы. Снег здесь лежал сугробами - никто не чистил этот переулок, - и Тому пришлось пробираться через них, высоко поднимая ноги. Маргарет шла за ним, подобрав полы пальто, чтобы не намочить их, и тихо смеялась над его неловкостью.

- Ты похож на цаплю, - сказала она.

- Цапли не ходят по снегу.

- Эта - ходит.

Айзен не обернулся, но Том готов был поклясться, что учитель улыбнулся - одной из тех редких, едва заметных улыбок, которые он позволял себе только в присутствии самых близких.

Они подошли к двери. Айзен постучал - три раза, громко, как стучат полицейские. Прошло полминуты. Затем послышались шаги - медленные, шаркающие, - и дверь открылась.

Сторож стоял на пороге, и в свете керосиновой лампы, горевшей у него за спиной, его лицо казалось вырезанным из старого дерева - все морщины, все складки, все тени. Он был без форменной фуражки, в старой вязаной жилетке, надетой поверх рубашки с потёртым воротником. Его седые волосы были всклокочены, а глаза - красными, то ли от недосыпа, то ли от слёз. Увидев Айзена, он побледнел и отступил на шаг, инстинктивно схватившись за дверной косяк, словно искал опору.

- Инспектор... - Его голос дрогнул. - Я же всё рассказал. Я ничего не знаю.

- Не всё, - сказал Айзен спокойно. В его голосе не было угрозы - только констатация факта. - Можно войти?

Сторож заколебался. Его взгляд метнулся куда-то вглубь дома, словно он боялся, что там что-то спрятано - или кто-то. Затем он отступил в сторону.

- Входите. Только... у меня не прибрано. Я не ждал гостей.

- Мы не гости, - сказал Айзен, переступая порог. - Мы полиция.

Внутри дом был таким же бедным, как и снаружи, но в этой бедности чувствовалось достоинство. Всё было чисто, всё лежало на своих местах - старый диван с протёртой обивкой, через которую проглядывали пружины, был накрыт аккуратно сложенным пледом в синюю клетку. На столе, застеленном клеёнкой в цветочек, стояла керосиновая лампа, дававшая тусклый, дрожащий свет, и лежала раскрытая книга - «Дэвид Копперфильд» Диккенса. Том заметил, что страницы были заложены старой фотографией - снимок девочки с косичками. Должно быть, внучка.

В углу стояла книжная полка, заставленная потрёпанными томами в мягких обложках. Том пробежал глазами по корешкам: Диккенс, Конан Дойл, Эдгар По, Уилки Коллинз. Сторож любил читать. Может быть, поэтому он и работал в музее - чтобы быть ближе к книгам, которые напоминали ему о чём-то. О детстве? О мечтах, которые не сбылись? О людях, которых он потерял?

В камине едва теплился огонь - несколько углей, мерцавших алым. В комнате было холодно, и Маргарет, войдя, поёжилась, закутываясь в пальто. Том заметил, что на каминной полке стояла ещё одна фотография - женщина с добрым лицом, должно быть, покойная жена сторожа. Рядом с ней - засушенный цветок в маленькой вазе. Вереск. Том вспомнил, что вереск рос на пустошах Йоркшира. Там, где стоял отель «Гильберт».

- Садитесь, - сказал Хопкинс, указывая на диван. Сам он остался стоять, прислонившись к стене у камина. Его руки, грубые, натруженные, теребили край жилетки - нервный жест, который Том заметил ещё в музее. - Я правда не знаю, где профессор. Я рассказал всё, что видел.

- Не всё, - повторил Айзен. Он не сел. Он остался стоять, возвышаясь над сторожем, и в свете керосиновой лампы его лицо казалось особенно суровым - резкие тени под скулами, глубокие морщины у глаз, плотно сжатые губы. Том знал эту позу. Так Айзен стоял на допро-

сах. Так он вытягивал правду из тех, кто боялся её говорить. - Вчера вечером, когда профессор Лэнг был в библиотеке, вы видели кого-то ещё. Кого?

Хопкинс отвёл глаза. Его кадык дёрнулся - он сглотнул. Том видел, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в край жилетки.

- Я же сказал... никого.

- Вы солгали. - Голос Айзена был спокойным, но в нём звенела сталь. - Я понимаю, почему. Вы боитесь. Кто-то угрожал вам. Или вашей семье. Но человек пропал. Профессор Лэнг - он хороший человек. Он не сделал ничего плохого. Он просто искал истину. И если вы знаете что-то, что может помочь нам найти его, вы должны сказать. Сейчас. Потому что каждая минута промедления может стоить ему жизни.

В комнате стало тихо. Слышно было только, как потрескивают угли в камине да как ветер завывает за окном - низкий, протяжный звук, похожий на стон. Хопкинс долго молчал, глядя в пол. Его плечи дрожали, хотя в комнате было не так уж холодно. Том видел, что он борется с собой - со своим страхом, со своей совестью, со своей памятью.

- У меня есть внучка, - прошептал он наконец. Его голос был таким тихим, что Тому пришлось наклониться вперёд, чтобы расслышать. - Эмили. Ей десять лет. Она живёт с матерью в Ислингтоне. Её мать - моя невестка - работает на текстильной фабрике по двенадцать часов в день. Они бедные. Очень бедные. Я помогаю им чем могу, но моей пенсии едва хватает на еду. - Он замолчал, подбирая слова. - Тот человек. Он сказал... он сказал, что знает, где она. Что если я расскажу полиции, он...

Его голос прервался. Он закрыл лицо руками - грубыми, натруженными руками человека, который всю жизнь работал физически. Его плечи затряслись. Маргарет шагнула к нему, но Айзен остановил её жестом.

- Кто - он? - спросил Айзен. - Дайте ему минуту. Он скажет.

Хопкинс отнял руки от лица. Его глаза были красными, но слёз уже не было - он взял себя в руки.

- Тот человек. Он был в библиотеке вчера. Я не знаю, как он вошёл. Двери были закрыты. Все двери. Я сам запираю их - я всегда запираю их в шесть часов, когда музей закрывается. Я проверяю каждый замок. Это моя работа. Но он был там. В подвале. Как будто прошёл сквозь стену.

- Как он выглядел? - спросил Айзен. Он задавал вопросы методично, один за другим, как хирург, делающий надрезы - точно, безжалостно, но с целью исцелить.

- Высокий. Худой. Очень худой - как будто он не ел несколько недель. В длинном тёмном пальто - старомодном, как в прошлом веке, с бархатным воротником. Лица я не видел - он стоял в тени, и свет лампы не падал на него. Но у него была трость. С серебряным набалдашником. В форме головы льва - с открытой пастью. И он... он говорил странно. Как будто каждое слово было частью какого-то уравнения. Как будто он всё время играл в шахматы - даже когда просто разговаривал.

Том и Айзен переглянулись. Серебряный набалдашник в форме головы льва. Такая трость была у Артура Блэквуда-младшего в Йоркшире - он носил её как аксессуар, хотя не хромал. И такая же трость была у Генри Уинтропа на старой фотографии из Гёттингена - той, что они нашли в колледже Бесконечности много лет назад. Совпадение? Айзен не верил в совпадения.

- Что он сказал? - спросила Маргарет. Её голос был мягким, успокаивающим, как у врача, который говорит с испуганным пациентом. Она подошла к сторожу и положила руку на его плечо. - Расскажите нам. Пожалуйста. Мы не причиним вам вреда. И мы защитим вашу внучку. Обещаю.

Хопкинс поднял глаза. В них стояли слёзы - настоящие, не притворные. Слёзы человека, который слишком долго носил в себе страх и наконец-то позволил ему выйти наружу.

- Он сказал, что я должен молчать. Что если я расскажу полиции, он вернётся. И тогда...
- Его голос дрогнул. - Он сказал, что знает, где учится Эмили. Он назвал школу - Сент-Мэри на Эссекс-роуд. Назвал её имя - Эмили Хопкинс. Назвал имя её учительницы - мисс Паттерсон. Он знал всё. Всё. И он сказал, что, если я открою рот, он сделает так, что она исчезнет. Как профессор. Как другие.

- Другие? - переспросил Айзен резко. В его голосе появилась сталь. - Какие другие?

- Я не знаю. Он сказал: «Вы думаете, Лэнг - первый? Нет. Были и другие. Те, кто подошёл слишком близко. Они все исчезли. И никто их не нашёл». - Хопкинс вытер глаза рукавом. - Я не хотел врать. Но я боюсь за неё. Она всё, что у меня есть. Моя дочь - мать Эмили - умерла пять лет назад от чахотки. Эмили - всё, что осталось от нашей семьи. Если с ней что-то случится...

Он не договорил. Маргарет опустила на корточки перед сторожем и взяла его за руки. Её движения были мягкими, успокаивающими - так она обращалась со своими студентками, когда те приходили к ней в слезах из-за несданных экзаменов или разбитых сердец.

- Мы защитим вас, - сказала она. - И вашу внучку. Мы из полиции. Мы можем обеспечить охрану. Завтра же у школы Эмили будет дежурить констебль. Никто не причинит ей вреда. Я обещаю вам это, мистер Хопкинс. Я, Маргарет Грейвз, обещаю вам.

- Вы не понимаете, - прошептал Хопкинс. - Этот человек... он не обычный преступник. Он как призрак. Он появляется и исчезает. Он знает всё. Он сказал мне, что я родился в Йоркшире, в маленькой деревне под названием Хоурт. Откуда он мог это знать? Я никому не рассказывал об этом. Даже моя жена не знала. Я уехал оттуда, когда мне было пятнадцать. С тех пор я ни разу не был там.

- Хоурт? - переспросил Том. Он почувствовал, как по спине пробежал холод. - Это же рядом с тем местом, где был отель «Гильберт».

- Да. - Айзен кивнул. - Совсем рядом. В нескольких милях. Значит, Архитектор знает о Йоркшире. Он знает об отеле. Он знает всё.

- Он сказал ещё кое-что, - добавил Хопкинс. Его голос стал тише, как будто он боялся, что его подслушают. - Когда профессор Лэнг увидел его, он побледнел. Как будто увидел призрак. Он отступил к стене, прижался к ней спиной и сказал... он сказал: «Ты не можешь быть здесь. Ты мёртв».

В комнате стало тихо. Так тихо, что Том слышал, как бьётся его собственное сердце - быстро, гулко, как барабан.

- «Ты мёртв», - повторил Айзен. - Лэнг сказал это человеку с тростью?

- Да. А тот рассмеялся. У него был странный смех - сухой, как шелест страниц. И он ответил: «Смерть - это всего лишь уравнение, Джонатан. И я решил его». - Хопкинс покачал головой. - Я не понял, что это значит. Но профессор, кажется, понял. Он побледнел ещё сильнее и сказал: «Чего ты хочешь?» А тот ответил: «Того же, что и ты. Аксиомы».

- Аксиома, - прошептала Маргарет. - Снова это слово.

- Что было потом? - спросил Айзен. Его голос оставался спокойным, но Том видел, как напряглись желваки на его скулах.

- Человек с тростью протянул профессору руку. Вот так, - Хопкинс показал, вытянув свою руку. - Профессор долго смотрел на неё. Очень долго. Может быть, целую минуту. А потом... он пожал её. И они вместе ушли в темноту подвала. Больше я их не видел.

- Лэнг ушёл с ним добровольно? - спросил Том. - Он не сопротивлялся?

- Нет. Он выглядел испуганным, это да. Но он не кричал. Не звал на помощь. Как будто он знал этого человека. Как будто они были знакомы много лет.

Айзен долго молчал. Затем кивнул.

- Спасибо, мистер Хопкинс. Вы очень помогли. Завтра я пришлю людей, чтобы обеспечить охрану вашей внучке. А пока - никому не открывайте дверь. Никому, кроме нас. Вы поняли?

- Понял, - прошептал сторож. - И... инспектор?

- Да?

- Найдите его. Профессора Лэнга. Он был хорошим человеком. Он всегда здоровался. Не то что некоторые профессора, которые смотрят на тебя как на пустое место. Он всегда говорил: «Доброе утро, мистер Хопкинс. Как ваши дела?» И он действительно ждал ответа. Ему было интересно.

Айзен посмотрел на сторожа долгим взглядом.

- Найдём, - сказал он. - Обещаю.

Они вышли в холодную ноябрьскую ночь. Снег снова начал падать - редкие хлопья кружились в свете фонарей, как мотыльки. Том взял Маргарет под руку, и они пошли по заснеженной улице, оставляя за спиной дом сторожа, который знал слишком много и боялся за свою внучку.

- Лэнг знал Архитектора, - сказал Том. - Они были знакомы. И Лэнг думал, что он мёртв.

- Да, - ответил Айзен. - И это меняет всё.

- Вы думаете, что Архитектор - это Генри Уинтроп? Настоящий? Живой?

Айзен долго молчал. Он достал трубку, набил её табаком и закурил. Вишнёвый дым поднялся в холодный воздух и растаял.

- Не знаю, - сказал он наконец.

Они не пошли домой.

Когда дверь за сторожем закрылась, и они остались втроём в заснеженном переулке - Айзен, Том и Маргарет, - часы на ближайшей церкви пробили десять. Гулкие удары поплыли над заснеженными крышами, и Тому показалось, что они звучат как предупреждение. Время. Оно уходило, утекало, как вода сквозь пальцы. Лэнг исчез. Архитектор был где-то рядом - может быть, следил за ними прямо сейчас. И каждая минута промедления могла стоить профессору жизни.

- Мы не можем ждать до завтра, - сказал Том. Его голос прозвучал глухо в морозном воздухе. Пар от дыхания поднимался вверх и таял. - Лэнг в опасности. Если Архитектор увёл его, он может быть где угодно. Мы должны найти пятую остановку сейчас.

Айзен затянулся трубкой. Огонёк на конце трубки вспыхнул алым, осветив на мгновение его лицо - усталое, осунувшееся, но решительное.

- Ты прав, - сказал он. - Время не ждёт. И Лэнг тоже.

- Но у нас нет карты подземных рек, - возразила Маргарет. Она стояла, закутавшись в пальто, и её дыхание вырывалось в холодный воздух белыми облачками. - Мы не знаем точно, где искать. «Там, где вода встречается с камнем» - это может быть что угодно.

- У нас есть список Бейкера, - ответил Том, доставая из кармана сложенный лист бумаги. - Двенадцать зданий Уинтропа. Мы уже проверили три - особняк в Кенсингтоне, вокзал Кингс-Кросс и музей. Четвёртое в списке - дом в Холборне. Бейкер говорил, что он стоит рядом с подземной рекой Флит.

- Холборн, - задумчиво повторил Айзен. - Флит протекает прямо под ним. Я помню, как строили коллектор в девяностых годах - тогда обрушилась часть улицы, и все говорили о подземной реке. Если Уинтроп построил там дом, он наверняка знал о ней. Возможно, он даже спроектировал вход в тоннель.

- Значит, едем в Холборн? - спросила Маргарет.

- Едем. - Айзен бросил трубку в снег и растоптал её каблуком. - Сейчас.

Они вышли из переулочка на главную улицу. Такси в этот час было не найти - Блумсбери затихал рано, и кебы здесь были редкостью. Но Том, высмотрев вдалеке огни, поднял руку, и старый «Даймлер» с брезентовым верхом, дребезжа, подкатил к тротуару. Водитель - пожилой мужчина в надвинутой на глаза кепке - высунулся из окна и оглядел их с любопытством.

- Куда едем, господа?

- Холборн, - ответил Айзен, садясь вперёд. - И побыстрее.

- В Холборн так в Холборн. - Водитель пожал плечами. - Только дороги скользкие. Быстро не получится.

Автомобиль тронулся, и Лондон поплыл за окнами - заснеженные улицы, тёмные витрины магазинов, редкие прохожие, спешащие домой. Том сидел рядом с Маргарет на заднем сиденье и смотрел на город. Он думал о Лэнге. О том, что профессор сейчас, возможно, где-то в темноте, один, испуганный. Или того хуже.

- Мы найдём его, - сказала Маргарет, словно прочитав его мысли. Она взяла его за руку, и её пальцы, холодные после долгого стояния на улице, постепенно согревались в его ладони. - Ты же знаешь инспектора. Он всегда находит.

- Знаю, - ответил Том. - Но иногда мне кажется, что мы ходим по краю пропасти. И один неверный шаг - и всё.

- Мы не упадём. - Она сжала его руку. - Потому что мы вместе.

Автомобиль свернул на Хай-Холборн - широкую улицу, застроенную старыми домами. Здесь, в центре Лондона, снег уже успели расчистить, и мостовая блестела в свете фонарей. Водитель сбавил скорость, вглядываясь в номера домов.

- Какой номер вам нужен?

- Семьдесят два, - ответил Том, сверяясь со списком. - Дом номер семьдесят два по Хай-Холборн.

- Это старое здание на углу, - кивнул водитель. - Там раньше была адвокатская контора. А теперь - не знаю. Вроде бы закрыто.

- Остановите здесь.

Автомобиль затормозил у тротуара. Они вышли. Дом номер семьдесят два по Хай-Холборн был старым зданием в георгианском стиле - три этажа, высокие окна с белыми наличниками, массивная дубовая дверь. Он стоял на углу двух улиц, и его фасад, выходивший на Хай-Холборн, был украшен лепниной - гирлянды, розетки, маски. Но краска облупилась, а окна были темны. На двери висела табличка: «Закрыто. Продаётся».

- Здесь никого нет, - сказала Маргарет. - Как мы попадём внутрь?

- У нас есть ордер, - ответил Айзен. - И у нас есть я.

Он подошёл к двери и внимательно осмотрел замок. Это был старый замок марки «Чабб» - такой же, как на входной двери в музей. Айзен достал из кармана набор отмычек - он всегда носил их с собой, сколько Том его помнил, - и через минуту замок щёлкнул.

- Прошу, - сказал он, открывая дверь.

Внутри было темно и холодно. Пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё - может быть, плесенью. Айзен зажёл фонарь и двинулся вперёд. Они прошли через пустой вестибюль, мимо брошенных столов и стульев, покрытых белыми простынями, как призраки. Где-то наверху скрипнула половица - должно быть, от холода, - и Маргарет вздрогнула.

- Это просто дом, - сказал Том. - Старый дом.

- В старых домах живут старые тайны, - ответила она.

Они спустились в подвал. Здесь было ещё холоднее. Стены были сложены из грубого кирпича, покрытого паутиной. В углу стоял старый котёл, давно потухший. И в дальней стене - дверь. Маленькая, железная, с ржавыми петлями.

- Здесь, - сказал Айзен.

Он потянул за ручку. Дверь открылась с пронзительным скрипом, и из неё пахло холодом и сыростью. За дверью была лестница, уходящая в темноту.

Они спустились. Ступени были каменными, скользкими от влаги. Где-то внизу слышался звук - журчание воды. С каждым шагом он становился громче. Наконец лестница кончилась, и они вышли в кирпичный тоннель.

Это была подземная река Флит.

Тоннель был высоким - достаточно высоким, чтобы взрослый человек мог идти, не пригибаясь. Стены были сложены из старого кирпича, покрытого зелёным мхом. Вдоль одной из стен шла узкая дорожка, а по центру тоннеля текла река - тёмная, быстрая, пахнувшая тиной и временем. Свет фонаря отражался в воде, создавая на стенах пляшущие блики.

- Никогда не думал, что окажусь здесь, - прошептал Том. - Под Лондоном. Внутри реки.

- Уинтроп знал об этом месте, - сказал Айзен. - Он спроектировал дом так, чтобы иметь доступ к тоннелю. Возможно, он приходил сюда. Работал здесь. Прятался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.